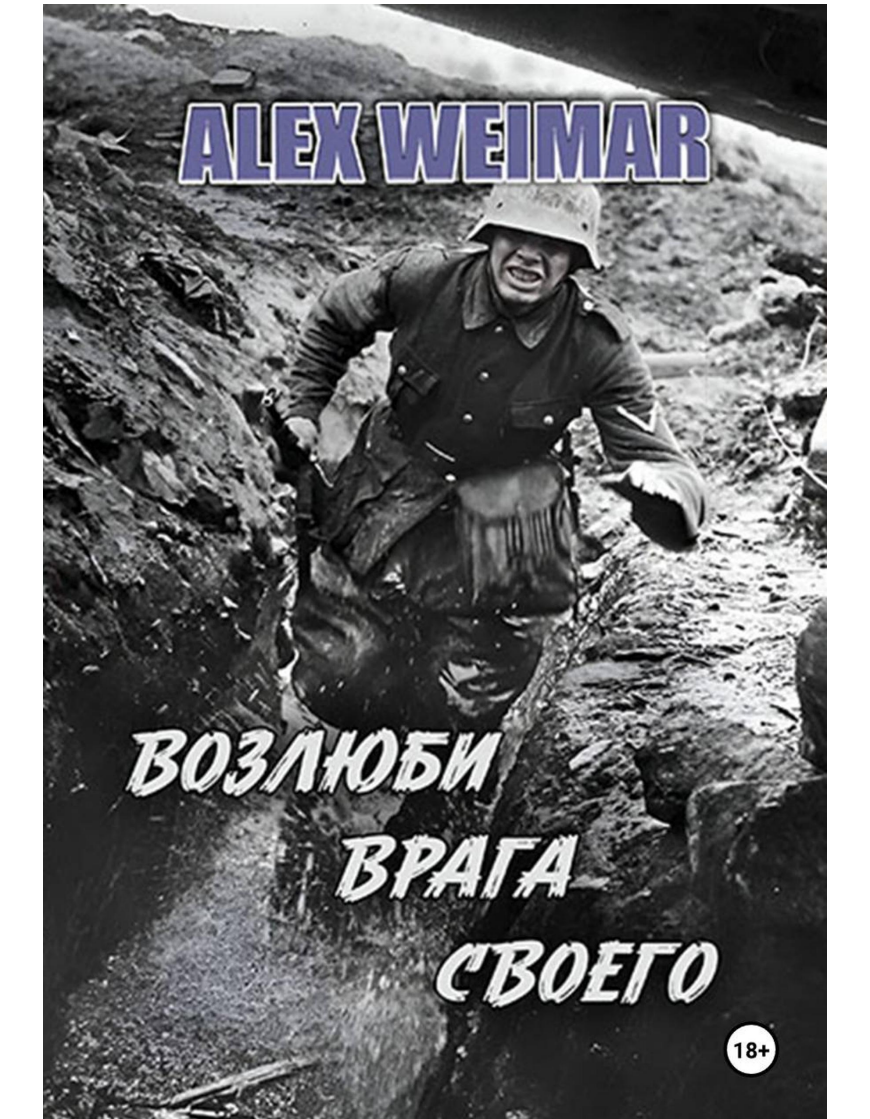

ALEX WEIMAR

**ВОЗЛЮБИ
ВРАГА
СВОЕГО**

18+

Александр Шляпин

ВОЗЛЮБИ ВРАГА СВОЕГО

<https://litres.ru/74417343>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта история о судьбе немецкого солдата (художника по призванию). По воле судьбы этот человек оказался на Восточном фронте в самом пекле трагических событий. Он как законопослушный гражданин своей страны верен присяге и фюреру, но оказавшись на грани жизни и смерти, делает, неожиданный выбор

Война войной, но чувства за униформу не спрячешь, и он незаметно для себя влюбляется в русскую девушку, которая спасла его от смерти.

Только в её «плёну» немец понимает, что война, развязанная его страной, не соответствует его утонченному мировоззрению. Он не может изменить данной присяге, но

"умерев на поле брани", он как бы освобождает себя от её исполнения.

Ради спасения многих жизней немецких солдат, которые оказываются в ловушке истребительного батальона НКВД, он вынужден принять правила игры, которые диктуют ему его вчерашние враги.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Александр Шляпин

ВОЗЛЮБИ

ВРАГА СВОЕГО

Глава

Автор этого романа **Александр Шляпин**, "**Alexandr Weimar**": родился в 1959 году в городе Веймар ГДР в семье советского офицера. Много лет прожил в Германии. До 2005 года писательской деятельностью не занимался. Летом 2005 года получил электротравму в результате, которой у автора открылся литературный портал. Первый роман «ТАЕЖНЫЙ КАПИТАН» был издан издательством ЭКСМО в 2006 году. В 2008 году роман "ТУНГУССКИЙ РОБИНЗОН" на международном конкурсе киносценаристов ЕВРАЗИЯ-2008 стал лауреатом в жанре ЭКШН.

ВОЗЛЮБИ СВОЕГО ВРАГА

Эта история написана на основе реальных событий великой отечественной войны. В ней рассказывается об удивительной судьбе рядового немецкого солдата, призванного

го из художественного училища. Оказавшись на восточном фронте, в самом пекле трагических событий он, как патриот, до самой «смерти» верен присяге. Война войной, а чувства спрятать за униформу не возможно. Немец искренне влюбляется в свою русскую спасительницу, которая не смотря на суровость закона о военном времени, вытаскивает его с того света. В «плёну» её очарования Кристиан понимает, что война, развязанная его страной, не соответствует его внутренним убеждениям. Он не может изменить данной присяге. Он может только умереть за великую Германию, но «воскреснув», начать новую жизнь с белого листа. Ради спасения сотен жизней соотечественников, которые оказываются в ловушке истребительного батальона НКВД, он идет на сделку с врагом и принимает их правила игры. В конце сороковых годов, он возвращается из русского плена домой, но Германия уже совсем другая страна - без нацистов и Гитлера. С головой он погружается в творчество и буквально за несколько лет становится одним из ведущих художников на фабрике художественной керамики. По эскизам русской возлюбленной, которые остались у него с войны, он создает образ «Божьей матери» для костела Северинкирхе в город Эрфурт. В 1974 году вовемя празднования двадцати пятилетия ГДР, на фабрике фарфора, он совершенно случайно встречает своего русского сына. Как офицер советской армии тот приезжает на завод в составе дружественной делегации Группы Советских войск в Германии. Во время ознако-

мительной экскурсии по фабрике, в мастерской не серийных заказов, на рисунках времен войны, советский майор узнает свою мать, которая умерла в одном из сталинских лагерей. Похожие авторские рисунки хранятся у него дома в семейном архиве. Советский офицер решается узнать, откуда взялись эти эскизы вдали от России.

Так, через много лет, встречается ветеран Вермахта – со своим сыном.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ИРОНИЯ СУДЬБЫ

Моя история началась задолго до трагических событий моей страны, которая по воле нацистов была втянута в самую кровопролитную войну за всю историю человечества. Она началась с того дня когда я появился на свет.

Родители меня называли Кристиан - Кристиан Петерсен. Мне повезло родиться в Тюрингии в небольшом, но чертовски уютном городке под названием Ордруф, через который протекает небольшой ручей. Город этот не очень большой, поэтому, здесь каждый бюргер не только знает друг друга, но и дышит одним воздухом. Если бы не знаменитые фарфоровые куклы «Бэра и Прёшильда», да знаменитые органные токкаты Иоганн Себастьяна Баха, которые он творил здесь в эпоху барокко, то никто бы не знал о его существовании.

Как и сотни тысяч других немецких детей, я родился в

эпоху великих перемен. В нашей семье чтили законы Германии, поэтому все случилось так, как случилось со всей Германией. Мой отец Клаус Петерсен имел специальность литейщика гипсовых форм, а мать - Кристина, служила сестрой милосердия в местном военном лазарете.

С детства, сколько я помню себя, я обожал рисовать. Возможно, именно этот талант и сохранил мне жизнь во время этой чертовой войны. Мне было всего восемнадцать лет, когда я студент высшей школы «Баухаус» в городе Дессау, был призван на службу в Вермахт.

В тот год, когда началась война, я учился на втором курсе. В виду моего воспитания и увлечения, мне не было никакого дела до политики – она была вне моих интересов. С детства я хотел служить только искусству, как служил музыке Себастьян Бах, и делать свое любимое дело столько - сколько господь отпустит мне на этот промысел счастливых дней.

В отличие от моих сверстников, у меня не было времени маршировать по улицам города в составе «гитлерюгенд». Я не был фанатично сочувствующим национал – социалистической партии, но, как все немцы, я любил обожал свою родину. Как и все немцы, я желал ей только процветания и величия. Тогда мы искренне верили в те идеи, которые доносили до нашего сознания наши вожди. Я был молод. Я был красив, и я был горд тем, что мне довелось родиться немцем.

Сейчас политики говорят, что война пришла неожиданно, нет – это не правда. Мы немцы, готовились к ней. Готовились

каждый день и каждую ночь. Триста шестьдесят пять дней в году мы ковали современное оружие. Танки, самолеты, корабли, подводные лодки, которые становились нашей гордостью. Фюрер вселил в нас уверенность. Фюрер вселил в нас самоуважение, и мы поверили ему, как родному отцу. Нам казалось тогда, что на плечах немецкого солдата лежит ответственность за грядущие немецкие поколения, и будущее на этой планете будет принадлежать великой Германии.

А когда пришла война, я не стал искать повод, чтобы уклониться от воинской повинности. Я, вдохновленный силой и мощью немецкого оружия, решил честно исполнить свое предназначение. Я искренне верил в правоту дела.

Наше победоносное продвижение на Восток было стремительным. Это был настоящий и молниеносный удар кинжалом, который предрекал нам легкую победу над сталинской Россией. Я и мои боевые товарищи искренне верили, что уже совсем скоро, и мы войдем в их столицу. Нам казалось, что война будет победоносно окончена парадом на Красной площади, как нам обещал великий Адольф Гитлер, и мы пройдем строевым шагом под стенами древнего Кремля.

Мы не знали, что вступив в Россию, наши мучения и неприятности только начинались. И они не заставили себя ждать, они пришли – пришли к нам - зимой сорок первого года. Не привычные к дерзким морозам, для нас европейцев, русская зима оказалась настоящим адом. Еще вечером наши танки стояли в грязи, а уже утром они настолько вмерзли

в русскую глину, что их приходилось вырубать топорами и кирками.

Я никогда не смогу забыть этот жуткий холод, который стремительно опустился на нас. Он проникал в наши блиндажи, забирался под суконные шинели и превращал нас в мороженое мясо. Оружейная сталь прилипала к рукам. Если ты потерял перчатки – ты мог считать себя трупом. Через три дня пальцы синели, покрывались водяными пузырями, а потом отваливались сами по себе, и ты к своему удивлению не чувствовал никакой боли. Да, ты не чувствовал боли - ты впадал в ступор. Ты не мог осознать, что такого происходит с тобой. Если тебя не успели эвакуировать в полевой лазарет, через несколько дней ты превращался в ходячий труп. Гангрена пожирала твои конечности, и ты уже не в силах был остановить процесс гниения тела.

Вот в таком крошечном аду, в условиях двухмесячной блокады мы столкнулись с негибимой силой и духом русского солдата.

Основные силы группы армий «Центр», которые рвались к Москве, в декабре были отброшены от столицы. До самой весны мы оказались запертыми четвертой и третьей ударными армиями от Ржева до Великих луков. Тогда нам казалось, победа близка и мы пройдем строевым маршем по Красной площади. Но русские, собрав несметные силы, отбросили нас от захваченных рубежей на сотни километров. Вот так нашей восьмьдесят третьей дивизии, под командовани-

ем генерала Александра фон Зюлова повезло наступать на фланге. Пехотный полк, в котором мне довелось служить, расквартировался в кирпичных подвалах русских церквей и в купеческих домах одного из провинциальных городов, который назвался Велиж.

Не пройдет и двух месяцев, и берлинские военные «писак-ки», окрестят этот город «мертвым». Они придадут ему статус непобедимой крепости. Вот такая роковая случайность спасла наш двести пятьдесят седьмой пехотный полк восемьдесят третьей дивизии от полного уничтожения.

Когда мы вошли в город, мы не успели даже обустроиться. Мышеловка захлопнулась. Большевики силами дивизии ловко обложили нас со всех сторон, подтянув личный состав четвертой армии. Выбив нас с окраин города, русские заблокировали внутри города. Так Велиж на Двине превратился в маленький «Сталинград».

Три месяца блокады для меня и моих боевых товарищей стали настоящим испытанием стойкости и доблести германского духа. С того момента, как в декабре мы встретили рождество и до самой середины апреля сорок второго года, большевики обрезали нам все связи с внешним миром.

Будучи запертыми в подвалы блиндажи и окопы мы продолжали слепо верить в тот счастливый момент, когда нам на помощь придут свежие силы и помогут разорвать эту чертову блокаду. Несмотря на потери, которые ежедневно несли наши подразделения, мы продолжали яростно сопротив-

ляться.

Всю зиму большевистская артиллерия обстреливала и бомбила блокированный город, планомерно превращая его в выжженное поле.

Внезапно колесо фортуны изменило мою солдатскую судьбу, которая явилась на пост в образе «батареи мамыши».

Обер – фельдфебель Краузе появился на боевом посту, словно привидение. Сжавшись от холода я растеряно смотрел на него, и ничего не мог произнести, как этого требовал формуляр караульной службы. Мои зубы отбивали чечетку, и я не в состоянии был вымолвить даже слово.

–Стоять! Буду стрелять! Пароль,- процедил я.

–Ты Крис, совсем спятил,- спросил обер-фельдфебель. – Вена – дерьмо собачье...

–Опал,- таков был отзыв.

В морозном мареве, я не сразу узнал нашего обер – фельдфебеля Вальтера Краузе. Нам всюду мерещились большевики. Поэтому у моего страха были просто огромные глаза.

–Опусти пушку, засранец! Ты что совсем чокнулся студент!? Я пришел снять тебя с караула...

–В чем дело господин обер-фельдфебель, я в чем-то провинился...

–Вестовой, только что доставил приказ командира дивизии. Тебя Петерсен, переводят в разведывательное подразделение. Обер-лейтенант Крамер ходатайствовал о твоём пе-

реводе. Тебе предстоит занять место одного ублюдка, который, умудрился пропасть в этой дыре без вести. Скорее всего его украли «иваны»...

Краузе, подышал на руки, чтобы немного их согреть и достал из внутреннего кармана казенный лист бумаги, чтобы уведомить меня что это не его прихоть.

—Вот читай - мне приказано немедленно доставить тебя в штаб!

—И что, я могу оставить пост, -спросил я испытывая необычайное чувство облегчения.

—Лемке через пять минут сменить тебя. Я дал команду и он уже собирается. Пришлось вытаскивать его из-под одеяла, чтобы объявить приказ на службу.

Пока я общался с Краузе, Карл Лемке выполз из подвала. Он был сонный и весьма раздраженный. Его конечно можно было понять: кому было интересно торчать в карауле в тридцатиградусный мороз. Даже несмотря на овчинный тулуп, который носил караульный, мороз пробирал до самых костей и нам приходилось обматывать себя газетами, чтобы хоть как-то сохранить тепло. Бывает обидно, когда ты несешь службу, а твои боевые камрады сидят вокруг теплой печки, пьют французское вино, играют в карты и набивают брюхо жареным картофелем. От этого становится грустно и зябко.

Краузе достал табак и закурил трубку. Он сделал пару глубоких затяжек и сказал:

–Дай-ка мне сынок, глянуть, что у тебя там,- сказал он указывая мундштуком на карабин.- Предъяви оружие к осмотру! Не обижайся парень, но я не хочу, чтобы ты случайно прострелил мне окорок.

Я передернул затвор. Удалив патрон, я показал ему, разряженный карабин, от чего Вальтер облегченно вздохнул.

Обер –фельдфебель боялся, что я могу случайно выстрелить ему в спину, когда мы будем ползти по окопам и подвалам. Таких случаев в вермахте было довольно много и эти потери не списывались на большевиков, а висели грузом на семье погибшего.

В этот миг, на посту появился заспанный Лемке. Он увидел меня и стал канючить, словно пожилой мюнхенский угольщик, который болел артритом, но ради семьи продолжал таскать тяжелые мешки с углем.

–Черт, бы тебя побрал, Петерсен ! Ты, что сваливаешь под крылышко командира дивизии, - спросил он завидуя.

–Такова воля нашего господы,- сказал я, переводя разговор в другую плоскость.

–А ты будешь забирать свой паек, или разрешишь камрадам его сожрать,- спросил Лемке, заискивающе глядя мне в глаза.

В те суровые дни каждая корка хлеба, каждая банка сосисок или колбасного фарша были на вес золота. Это хорошо, что большевики, отступая, бросили в своих хранилищах больше трехсот тон картофеля. Он стал на время блокады

нашим желанным трофеем, который спас наш полк от тотального голода.

Во время перевода из одного подразделения в другой, Краузе давал каптенармусу предписание, по которому тот выдавал убывающему солдату, суточный паёк. Это было: две банки консервированного фарша, половина буханки хлеба, или полкило сухарей, две плитки шоколада и пять порций дерьмового кофе из жареных желудей с примесью цикория.

–Ты Лемке, меньше говори – целее будешь!- злобно сказал Краузе. Обер –фельдфебель сплюнул и мы с Карлом увидели сгусток крови, который расплылся на снегу. Все было ясно у Краузе начиналась цинга.

–Черт! Дела дрянь камрады,- сказал он увидев кровавый след.

Лемке, не сдержался, чтобы не вставить свои десять пфеннигов:

–Вам господин обер – фельдфебель, непременно надо в тыл. В лазарет. Вам нужны витамины, вы, без них вряд ли дотянете до весны. Надо кушать лук, чеснок и шпик. Тогда болезнь отстанет от вас.

–Слышишь Карл, мне наплевать на твои советы! Когда ты, болтался капелькой спермы, на отцовской письке, я Вальтер Краузе, уже воевал. Не один раз я ходил в штыковую атаку и как видишь - пока цел и даже дослужился до обер-фельдфебеля.

Лемке закрыл рот. Я видел, что он не хочет вступать в

полемику Краузе, чтобы не гневить нашего начальника. Я передал ему тулуп и тяжелые караульные боты на толстой войлочной подошве, которые должны были спасать нас от обморожения.

—Гренадер Карл Лемке принял пост,- сказал он с какой-то ехидной ухмылкой. - Желаю вам парни удачи! Вы только чаще пукайте. Внутренний газ вредит здоровью, -сказал он и засмеялся, обнажив свой лошадиный оскал.

—Идиот,- сквозь зубы сказал Краузе.- Меня от него тошнит как от большой кучи дерьма.

—Давай, держись и не болей,- ответил я покидая пост. - Когда русские попрут нас обратно домой, ты постарайся не нагадить в подштанники. Дерьмо Карл, оно ведь на морозе быстро замерзает и мешает бежать,- сказал я, отвечая на его гнусную шутку!

В эти дни блокады, мы по не многу сходили сума. Смерть косила наши ряды и каждому из нас приходилось сдерживать себя, чтобы не попасть в ту очередь, которая выстраивалась к ней на свидание. Через несколько дней большевикам все же блеснула фортуна и они ухлопали Карла. Пуля большевистского снайпера просверлила дыру в стальном шлеме вместе с мозгами. По поводу его кончины, парни из нашей батареи поминок устраивать не стали. Никому не было его жалко. Лемке – был отвратительной личностью. Этот шваб был из тех, кто с детства носил коричневую рубашку и фанатично стучал в полковой барабан. Он называл себя элитой

немецкого народа и на всех смотрел свысока. Мы знали, что в минуты фронтового затишья, когда «иваны» сидели тихо, словно мыши под веником, он бегал к командиру зондеркоманды – оберштурмфюреру SS Ойгену Штаймле. Они были земляки и даже знали друг друга еще по довоенному времени. Карл не был «стукачом». Просто мы опасались, что в разговоре с ним он мог вспомнить имена камрадов, которым не нравилось положение дел на фронте. За это его ни кто не любил. Многие парни сторонились Карла, и поэтому были с ним всегда настороже. Новость о смерти Лемке, была воспринята в батарее, как господнее провидение и каждый камрад где-то в душе радовался этому событию.

Вот так по-фронтовому буднично, началась моя новая жизнь – жизнь в дивизионной разведке.

После грандиозного провала «великого сталинского штурма», который, состоялся в канун рождества, девятая карательная айнзац команда, которая квартировала до блокады недалеко в Сураже, получила приказ, произвести акцию устрашения. В самом начале января, «иванам» удалось потрепать карателей, отправив на свидание с богом больше батальона любимчиков фюрера. За этот позорный разгром гарнизона в Крестах, каратели устроили в городе «кровавую баню». Они согнали полторы тысячи евреев местного гетто в старые телятники и запалили их, от чего смрад от горелого мяса повис в морозном воздухе на целую неделю, пока трупы не засыпало свежим снегом.

Прощавшись со своим сменщиком я двинулся вслед за батареей «мамашей».

По своей службе, Краузе знал в городе все дыры и «крысиные тропы», по которым мы ползали по улицам и домам местных жителей в поисках шнапса, провианта и трофеев из шерстяных вещей.

Мы спустились в церковный подвал. Там располагалась наша батарея. Я последовал следом за ним, погружаясь в атмосферу сырости, духоты и больничного смрада. В те жуткие дни блокады в подвале православной церкви имени «святого Николая», как звали её русские, квартировал дивизион полевых пушек, «leIG – 18». Здесь было тепло. Камрады топили чугунную печку, которая досталась нам от бежавших «иванов» и это тепло согревала нас от русских морозов.

Уставшие, голодные и замерзшие камрады из дивизиона лейтенанта Фрике, отдыхали на трехэтажных деревянных нарах, которые были сколочены нами в минуты затишья между боями. В соседнем помещении подвала, был оборудован полевой лазарет. Это была вотчина полковых докторов и санитаров, которые делали все, чтобы вернуть к жизни раненых и больных.

В дни блокады на душе было жутко тоскливо. Со всех сторон гарнизон был окружен русскими. Боевой дух стремительно покидал нас, как уходит воздух из пробитой автомобильной камеры. Мы неутомимо молились господу о спасении, но Бог почему-то не слышал наших молитв. Смерть

продолжала пожинать свою кровавую жатву и конца этому не было видно.

Где-то там, в глубине подвала, полковой капеллан, капитан Шнайдер, осипшим от простуды голосом читал над убитыми библию. Каждый день наши выносили окоченевшие трупы на улицу в холодную церковную пристройку. Их надо было хоронить, но рыть промерзшую на два метра землю ни у кого не было желания. Этот ежедневный ритуал напоминал мне настоящее безумие. Было такое ощущение, что все мы были обречены.

Большевики старались прорвать нашу оборону, и поэтому наш полк нес значительные потери. За три месяца зимы, гарнизон потерял больше двух тысяч человек. Из пяти тысяч камрадов вошедших в город в июле 1941, к марту 1942 года, осталось чуть меньше половины.

—Студент, давай шевели окороками. Не тяни за уши осла. Схватил свои шмотки и вперед! Мне нужно сдать тебя по команде, и я сынок, хочу успеть на вечерний суп, — сказал обер — фельдфебель, стараясь улыбнуться.

Он присел к раскаленной печке и, достав трубку, раскурил её, погружая таким образом себя в нирвану.

—Черт! Ты знаешь, как я замерз,— причитал он. —Не понимаю, как можно жить в этой стране,— обращался он, толи ко мне, толи к черной пустоте. —Это просто какой-то кошмар...

—Господин обер-фельдфебель, камрады дивизиона озабочены, что у нас нет теплой униформы...

—Найди себе клочок шерстяной тряпки и не ной. Наши господа генералы знают, что делать. Мы еще два месяца назад должны были быть в Москве,— с иронией в голосе продолжил Краузе. —Если бы не большевики, которые навалили нам в декабре под столицей, то сейчас, мы бы с тобой грелись в теплых московских квартирах.

Краузе докурил. Выбив остатки табака о край печи, он спрятал трубку в карман шинели.

—Ты сынок, меня извини. Не мое дело вмешиваться в решение командования, но мне очень интересно Крис, за каким хреном тебя переводят,— спросил Краузе. —У нас и так не хватает людей. Это стало загадкой для всей батареи...

—Не могу знать? Я господин обер — фельдфебель, не ведаю планов наших командиров и не знаю, что у них на уме.

—Вот и я не ведаю,— ответил Краузе, вздыхая. Здесь сокрыта какая-то тайна.

—Возможно,— ответил я.

—Может, этот перевод связан с твоей профессией? До призыва ты, где жил? Откуда родом, из каких мест?

—Из Тюрингии, из Ордруфа!

—Из Тюрингии!? Странно! Слушай, а какого черта, ты, затесался в нашу дивизию? Мы ведь все Гамбургского призыва.

—Это господин обер — фельдфебель чистая случайность. Я бы сказал — банальная случайность! Я ведь уходил на фронт из Дессау. В то время я учился в высшей школе «Баумха-

ус» на художника. Мне пришлось на время уехать из дома, чтобы поступить на учебу. А после призыва, меня сразу направили в учебный батальон, который был сформирован из студентов. После учебного батальона я очутился в Целле, на учебном центре. А уже оттуда был направлен на службу в восемьдесят третью дивизию.

–Эх, Тюрингия! Тюрингия – это сила! К сожалению, я ни разу не бывал в этих краях, но слышал, что у вас чертовски красивые места, – сказал Краузе. Он глубоко вздохнул. –Ты Крис, дурак, что поперся на фронт. Сидел бы в своем Дессау и лучше малевал бы рождественские картинки. А по вечерам ходил бы в гасштетт, или синематограф и щупал бы медхен за ягодицы.

-Я доброволец...

-Ну и дурак,- ответил Краузе. - Черт, бы побрал, эти советы с их морозами и нашего фюрера, который думает, как за наш с тобой счет навалить Сталину огромную кучу! Мы уже второй месяц сидим в этой дыре, вместо того, чтобы идти вперед. Мне надоело! Надоело сидеть в этом каменном мешке в трехстах километрах от русской столицы и ждать, когда большевики доберутся до наших задниц и повесят нас всех за яйца.

–А вы господин обер – фельдфебель, где до войны жили...

–У меня в Гамбурге остались жена и дочь,–угрюмо сказал Краузе. –Хочешь, сынок, я покажу тебе фотографии?

Он достал из внутреннего кармана портмоне и протянул

мне пожелтевшую карточку.

—Ты Петерсен, даже не представить себе не можешь, я в вермахте служу с тридцать девятого года. С того самого дня, как сформировали нашу дивизию. Целых три года, оторванных от цивильной жизни. Целых три года, засунутых в глубокую задницу! Теперь по воле наших генералов, мы должны вместо теплой Франции, сидеть здесь на краю света и ждать, когда «иваны» заморят нас, как крыс.

—Я бы тоже так сделал,- сказал я. -Ведь не большевики пришли к нам, господин обер – фельдфебель, а мы на радость фюреру к ним приперлись.

—Кто будет спрашивать этих дикарей! Скоро Гитлер подбросит нам пару дивизий ваффен СС, и вы молодые, сильные парни пойдете дальше - до самого Урала.

—До Урала? А вы? – спросил я.

—А я останусь здесь! Мне сорок два года, а я уже дряхлый старик с простуженными легкими и отмороженными пальцами. А что будет дальше? Возможно я даже не переживу эту зиму.

После слов сказанных «батареиной мамашей», я словно отключился и уже не слышал того, что говорил мне Краузе. Я заморожено смотрел на его семейную фотографию и думал о своем доме - о том сказочном месте, где мне довелось родиться девятнадцать лет назад. С фотографии обер -фельдфебеля на меня смотрели счастливые лица. В тот самый миг в моей голове возник образ Габриелы.

Габи – так я звал соседскую девчонку. Ей было лет шестнадцать. Она явно была в меня влюблена и даже обещала ждать с фронта. Ощущение того, что ты кому-то нужен, согревало в эти лютые морозы лучше всякого большевистского «вшивника», которые мы находили в разбитых войной домах и надевали под низ униформы. Это был настоящий рай для «партизан», как мы называли бельевых вшей. Они плодились с такой скоростью, что не было никаких средств побороть их, кроме прожарки в русской бане.

–Классные, и чертовски собой хороши...

–Еще бы, -с гордостью ответил Краузе.- Ты студент, не согласишься, –но моя Марта, была в молодости настоящей королевой. Она бельгийка. Жаль, что тебя переводят в разведку. Так бы я тебе заказал нарисовать её портрет. Я даже могу заплатить тебе десять или даже пятнадцать марок

–Пятнадцать марок,- удивился я.

–Да, двенадцать марок, я бы дал! - стал торговаться Краузе.- А что тебя удивляет?

–Двенадцать марок и банка колбасного фарша. Я готов нарисовать портрет. Если меня не убьют то мне деньги пригодятся. Может быть, поеду в отпуск.

–А ты Кристиан, славный малый! Если бы тебя не перевели, я думаю, мы бы с тобой вполне поладили. После того, как нас отсюда вытащат, у нас будет возможность отметить нашу фронтовую дружбу. Мы скрепим её бутылкой доброго шнапса.

-Я готов...

-Так и быть, бери фото, да смотри сукин сын – не потеряй!
Это единственное, что у меня осталось из воспоминаний о счастливых днях.

Опасения Вальтера Краузе мне были понятны. У каждого из нас были личные тайны или даже вещи, которые служили «детонаторами» наших ностальгических настроений. Они были дороги и представлялись нам семейными реликвиями.

Я спрятал фотокарточку в жестяную коробку от леденцов со странным названием «Монпансье», которую нашел её в одном из разбитых домов. В ней я хранил всё: карандаши акварель и небольшие рисунки, которые умудрялся делать в минуты фронтового затишья. Это был мой маленький сейф, в который я прятал свой мир – мир без войны, без всего этого безумия. Это был мой «несгораемый шкаф», который хранил все мои ценности и память о днях, которые мне довелось прожить.

Вальтер Краузе не знал, да и не мог знать наперед, что через два года в июне сорок третьего, его семья погибнет под руинами собственного дома. Война придет и в наш дом. Английская многофунтовая бомба, разнесет родовое гнездо Вальтера Краузе до самого фундамента, оставив после себя глубокую воронку. Там, под грудой кирпича, она навсегда похоронит его жену, дочь и еще семнадцать человек, мирно почивавших в своих постелях. Обер –фельдфебель, никогда

не узнает об этом. Вальтер погибнет ровно через месяц, во время прорыва блокады. Его мгновенно убьет раскаленный осколок русской мины. Рванный кусок железа, пробьет его голову насквозь вместе со шлемом. Мозги, словно желток из яйца вытекут через дыру на дно промерзшего окопа. На этом история его семьи, как и тысяч немецких семей будет навсегда прервана.

—А у тебя сынок, есть фроляйн? Ну, такая блудливая подружка, с которой ты в детстве играл в «доктора»?

В шутку, за привычку все знать, все видеть и влезать во все дела нашей батареи, мы называли фельдфебеля —«длинный носом». Это было его хобби. Он хотел знать о своих подопечных всё - вплоть до постельных сцен.

—Нет! Я ведь еще молод. Пока не имею желания вешать на себя этот хомут. Если вдруг меня не убьют, то я обязательно женюсь, но только это будет потом. После нашей победы. Не хочу, чтобы моя фрау, сходила с ума. Мой отец умер задолго до войны от воспаления легких. Кроме матери у меня нет никого. Хотя есть соседка. Её звать Габриела,- восторженно вспомнил я эту смешную девчонку с пшеничными косами и конопушками на её лице.

—Габриела? Габри!? — переспросил удивленно Краузе,— А ты засранец, говорил, что у тебя никого нет. Эх, студент — признайся честно, ты лжёшь старику Краузе?

—Габри, господин обер — фельдфебель, это просто соседка! Да, она молода, хотя и не дурна собой. Когда я уходил на

фронт, ей исполнилось всего шестнадцать лет.

—Уже шестнадцать лет? Крис — ты глупец! Это именно тот возраст, который делает из фроляйн настоящую фрау. В этом возрасте их мокрые дырочки, которые мы так любим, покрываются нежными волосками. Они все не прочь испробовать, что такое любовь и с чем её кушают. Ты, напоследок хоть «вдул» ей, или до сих пор мастурбируешь?

Слово «вдул» вызвало у меня внутренний смех.

—Нет — не «вдул» — не догадался,—сказал я, стараясь не засмеяться. Но это у меня не получилось, и я как назло, залился веселым смехом.

—Что ты ржешь — придурок! «Вдуть» — «вдуть», это самое первое дело, что должен сделать мужчина с женщиной. Если «вдул» — значит, ты её любишь, а не «вдул», так цена тебе, как самцу один пфенниг. Ты лучше скажи, что она тебе не дала, — засмеялся Краузе. —Это не беда Крис! Эти маленькие шлюшки очень быстро растут. Ты даже не успеешь моргнуть, как она во время ближайшего отпуска затащит тебя в постель. Вот тогда, ты «вдуешь» ей по самые помидоры,— сказал Вальтер Краузе, и заржал, как наш батарейный мерин по кличке «Сталин».

—Я думаю, господи обер — фельдфебель, что этого не будет. Меня убьют, а Габриела найдет, себе какого —нибудь подстреленного офицеришку и нарожает ему маленьких киндеров. А когда эти сорванцы вырастут, они украдут из сарая мой велосипед.

В этот миг я вспомнил дом. Вспомнил сарай, где я впервые рисовал Габи совсем голую. Смешная симпатичная девчонка с рыжими волосками, которые совсем недавно появились на её девственной природе. Было смешно, но я купил её тело за всего за одну плитку швейцарского шоколада. Было это всего полгода назад. Я не знал, что окажусь здесь на восточном фронте. Ведь тогда я вполне мог уговорить её стать моей. Наверное, надо было ей «вдуть», как говорит Краузе. Вдуть – это, чтобы хоть иметь представление о том, что это такое. Я почему-то не думал, что мне придется идти на войну. А судьба, как всегда распорядилась по –своему. Теперь я здесь в России в холодном окопе, а она там в Тюрингии.

–Думает пусть наш фюрер! –сказал Краузе.–Наша задача Крис, выжить, чтобы вернуться домой и отдать долг всем немецким фрау, которые к тому времени станут вдовами. На нас с тобой будет лежать печать ответственности за их оплодотворение.

–Нам господин обер – фельдфебель, будет не до немецких фрау. Лемке сказал, что поступил приказ прорвать эту чертову блокаду.

–Твой Лемке, он собачье дерьмо. Ты больше его слушай. Он каждому вешает на уши спагетти, как говорят русские. А без поддержки - эти русские парни сделают из нас настоящий колбасный фарш и упакуют его в спичечные коробки – сказал обер – фельдфебель, натягивая перчатки. –Ну, что ты, готов?

—Так точно господин обер — фельдфебель,— готов уже целых полчаса!

—Ну, так давай, иди, попрощайся с камрадами. Уже вечер, а нам тащиться, через передовую, будь она проклята,— сказал Краузе.

Я попрощался со своими друзьями. Взяв ранец и фанерный чемодан, я вышел на улицу следом за Краузе.

—Черт, черт, черт какой холод! Не хочется ползти к этому Крамеру. Но приказ, есть приказ. Старина Зюлов, ждет тебя, как второе пришествие Иисуса Христа.

Я шел следом за ним, стараясь не отставать, и постоянно пригибал голову, чтобы не светиться на фоне снега, перед прицелом русских снайперов, которых, как нам казалось, было столько, что они не давали нам свободно передвигаться.

В нашем районе было тихо. Где-то за рекой на западной стороне, где окапались большевики, слышался лай собак. До русских позиций через реку было около трехсот метров. На каждое движение на нашей стороне, на каждый звук, эти вольные стрелки открывали прицельный огонь, как бы соревнуясь в количестве подстреленных врагов.

В дни зимней блокады передвигаться по городу было опасно. Иногда разведка «иванов» оказывалась там, где быть её не должно. Не смотря, на морозы и линию фронта, проходившую по льду реки они каким-то образом, словно скользкие черви просачивались сквозь нашу оборону. Их полковая разведка хозяйничала в наших тылах, как у себя дома. Рус-

ские иногда умудрялись, устраивать среди наших блиндажей дьявольский шабаш и наводить смертельный ужас на перепуганных камрадов.

—Студент — ради Бога, только не высовывай башку — дерьмо собачье, — выругался обер — фельдфебель. — Мамаша Кристина утонет в слезах, когда узнает, что русские просверлили тебе череп для вентиляции мозга.

—Я знаю...

—Мне насрать, знаешь ты или нет. Я обязан тебе об этом напомнить...

Траншея линии обороны шла в полный профиль, прямо по самому берегу широкой реки. Она проходила так, что можно было продвигаться сквозь подвалы домов. От церкви святого «Николая», где квартировал мой расчет, до церкви святого «Илии», где находился штаб командира, было не более пятисот метров. Преодолеть этот участок по берегу было практически невозможно. Он был пристрелян целыми отделениями стрелков. Сегодня на западной стороне было тихо. Иваны, прибитые морозами, сидели в своих блиндажах и окопах, и пели песни под русскую гармошку. Иногда ветер доносил вместе с лаем собак эти звуки, а они почему-то навивали на нас жуткую тоску и чувство какой-то безысходности.

Вдруг на Севере города в километре за церковью святого «Илии», заработал станковый пулемет. За ним последовала минометная канонада. Все пространство окраины города на

Севере очередной раз закипело огнем.

—Черт! Иваны! Они опять лезут на наши пулеметы! Сдается мне, что русские таким образом греются,— сказал Краузе и засмеялся.

Вечером от новых боевых товарищей из разведки я узнал, что большевики производили разведку боем. Это подтверждало предположение, что в ближайшее время можно было ожидать наступления русских.

—Ну вот и пришли — сказал Краузе, отряхивая свою шинель от кирпичной пыли. —Это их нора.

—Стоять,—послышался голос часового.—Куда прешь —пароль?

—Вена — сказал Краузе. - У меня приказ генерала Зюлова. Этот парень, теперь будет служить в вашем подразделении — сказал обер —фельдфебель, показывая бумагу.

—Ну, тогда проходи,—ответил постовой. Он кивком головы указал на дверь, которая для сохранения тепла была оббита старым большевистским ватным одеялом.

Краузе спустился в подвал. В какой-то миг в нос ударил запах жареного мяса и затхлой от влаги амуниции. На ощупь, мы спустились в подвал.

—Я доложу Крамеру о твоём прибытии, — сказал обер —фельдфебель.

От вкусных запахов в моем животе грянули литавры, и я почувствовал, как невыносимо до иступления хочу есть.

В «хозяйстве» обер—лейтенанта Крамера было тепло. Ди-

визионная разведка шикарно обосновалась в этом помещении. В глубине церковного подвала горела печь, труба которой выходила в подвальное окно. На проволоке сушились зимние маскхалаты. В них разведчики ходили в рейды по большевистским тылам. Легендарный в восемьдесят третьей дивизии обер–лейтенант Крамер, сидел, возле печи вытянув босые ноги и в свете керосиновой лампы, блаженно курил сигару и пил коньяк. Он грел пятки и прикрыв глаза, о чем–то думал или дремал. На спинке командирского «трона» висел большевистский полушубок из добротной овчины с погонами обер – лейтенанта.

–Разрешите доложить, господин обер – лейтенант,– сказал Краузе.

–Ну, что у вас?

–Обер–фельдфебель,– сказал Краузе – Обер –фельдфебель Краузе. У меня приказ генерала Зюлова. Дальномерщик первого класса обер–ефрейтор Кристиан Петерсен переведен в ваше распоряжение,–сказал он, выпячивая грудь.

–Ну, и где этот бравый вояка? – спросил офицер.

–Хайль Гитлер, – выпалил я, вытягиваясь перед ним в струнку.– Обер–ефрейтор Кристиан Петерсен, –ответил я, сделав пару шагов из полумрака ближе к керосиновой лампе.

–Хайль,– ответил Крамер.– Ты, что ли будешь художник?

–Так точно, господин офицер...

–Господин обер – лейтенант,– поправил меня Крамер.

–Так точно господин обер –лейтенант...

Командир надел на босые ноги русские валенки и накиннув на плечи подтяжки, поднялся со своего командирского «трона». «Мама» Краузе, подал офицеру приказ о моем переводе. Офицер глянул на бумаги и небрежно кинул их на стол.

—Господа,— крикнул он, во весь голос,— в нашу фронтовую семью наконец—то влился новый камрад. Его имя Кристиан Петерсен! Господа диверсанты, он студент художественной школы из Дессау. Боже, я две недели искал в этой дыре того, кто умеет держать в руках карандаш,— сказал Крамер. —Две недели назад, «иваны» украли нашего картографа Фрица. А ведь я его предупреждал, что уединяться для мастурбации на передовой без боевого охранения нельзя. Большевики настолько хитры, что воруют «языков» прямо из наших клозетов. Через дыру в полу!

Мои новые камрады засмеялись, от удавшейся шутки офицера.

—Господин обер —лейтенант, обер — ефрейтор Петерсен, может еще и портреты рисовать, —заискивающе сказал Краузе. —Он ведь не только отличный художник, он еще и отличный шуцман!

—Он правду говорит малыш, —спросил меня офицер? —Значит ты, будешь нам рисовать голых фрау — шутя, продолжил Крамер. А в перерывах будешь охотиться из снайперской винтовки, за «иванами».

Обитатели подвала вновь заревели от удавшейся шутки.

—Так точно, господин офицер, —сказал я. —Я умею рисо-

вать. Что прикажете, то я и нарисую – будь то оперативные карты или голые фрау.

–О, этот туда же,–ответил Крамер,– А ты можешь что –нибудь показать? – спросил офицер.

Я снял ранец и достал из него свою знаменитую коробку. Вытащив рисунки, которые успел набросать в минуты фронтового затишья, я веером разложил их на столе. Затаив дыхание я замер в ожидании похвал. Мне хотелось услышать, что скажут о моем творчестве эти парни из дивизионной разведки. Камрады обступили меня, рассматривая рисунки. В подвале наступила гробовая тишина. Образы убитых людей. Свирепые лица солдат в условиях рукопашного боя. Раненые люди: без рук, без ног. Все это стало для моих новых однополчан настоящим шоком.

–Спрячь это Крис, и никому больше не показывай,–сказал Крамер.–Если у тебя мой однофамилец майор Крамер из контрразведки найдет эти картинки, то твоя солдатская карьера продолжиться в штрафном батальоне в Кривке. У тебя, черт подери есть талант,– сказал офицер.- Скажу по –правде, я теперь ничуть не жалею, что Фрица украли русские диверсанты. От него все равно не было никакого толка. Если «Иваны» его не прибудут, и он останется жив, значит, на свете есть Бог, который бережет его.

Я смолчал. В ту минуту я понял, по какой причине меня из панцергренадеров перевели в разведгруппу. Краузе, что–то говорил мне об этом и раньше, но его предположения бы-

ли далеки от решения командования. А командирам всегда было что-то известно больше чем нашей батареейной «маме». В тусклом свете керосиновых горелок я рассмотрел почти всех разведчиков. Как мне показалось, они недавно вернулись из рейда. Я видел, что они сосредоточенны и это вселило в мое сердце надежду и придавало уверенность.

Незаметно весь взвод перебрался к столу. Парни рассматривали мои рисунки, а заодно и меня, словно я был не бравый гренадер седьмой батареи, а маркитантка из полевого борделя.

—Что стоишь студент,— спросил офицер,—иди сюда ближе к печи —погрейся. Я вижу, ты продрог до самых печенок. Потерпи парень, пару дней — мы подыщем тебе настоящий егерский анорак на гагачьем пуху.

Я посмотрел на фельдфебеля, желая услышать его подтверждение поступившей команды.

—Ну, что ты, уставился на меня,— сказал Вальтер Краузе, —делай то, что тебе говорит твой новый командир.

Я, словно остолбенел. Какое-то странное оцепенение сковало мое тело, и я продолжал стоять смирно. Негодуя я смотрел, то на Крамера, то на обер —фельдфебеля и не мог понять, чьи приказы теперь мне исполнять.

—У нас, что теперь новый картограф,— услышал я голос, который неожиданно появился из глубины черного подвала.

—Да, Генрих, он будет служить вместо недоноска Фрица,— ответил Крамер.— Две недели искал в этом дерьме парня,

который умеет держать в руках карандаш. Так, что камрады, в честь новичка предлагаю оросить наши кишки шнапсом,—сказал офицер, и поставил на стол бутылку зеленого стекла.

Пить вино и шнапс, никого не нужно было уговаривать. Парни радостно загудели и с каким-то энтузиазмом потянулись к своим заначкам, вытягивая из своих ранцев и сухарных сумок неприкосновенный запас. Шпик, банки с колбасным фаршем и даже русская тушенка со сгущенным молоком украсили рабочий стол. За какие-то пару минут боевой блиндаж превратился в импровизированный фронтовой кабачок, с играющим граммофоном и поющими сверчками.

Скинув с плеч ранец, я достал банку консервированных сосисок, и вдохновлённый общим настроением, приобщил эту долю к торжественному застолью.

—Да обер-фельдфебель-вы свободны,—сказал офицер. — Можете вернуться в свое расположение. Доложите обер-лейтенанту Фрике, что обер-ефрейтор Петерсен, переведен в штат дивизионной разведки на должность картографа.

—С вашего позволения господин обер-лейтенант, я немного погреюсь,—сказал Вальтер. Он достал трубку, и набив её табаком, закурил. —На улице парни жуткий холод. Я настолько продрог, что готов остаться у вас до самой победы,—сказал усталым голосом Краузе.

—Ты Вальтер, не исправимый лгунишка! Скажи прямо, что хочешь выпить шнапса и побаловать брюхо жирным рус-

ским шпиком.

—Хочу! Да, хочу господин обер — лейтенант! Мы панцер-гренадеры народ простой. Нам скажут пить шнапс, мы пьем шнапс. Нам скажут стрелять по «иванам», мы будем стрелять. Нам скажут идти домой — мы уже завтра бросим наши пушки и пойдем домой к своим фрау.

Крамер обратился к ефрейтору:

—Мартин,—налей и фельдфебелю шнапса! Пусть выпьет за здоровье нашего нового камрада да проваливает в свою батарею. Здесь не ресторан «Метеора», чтобы устраивать мальчишники для всего полка.

Мартин, как звали одного из разведчиков, налил, в железную кружку русской водки и подал Краузе.

Обер — фельдфебель лукаво улыбнулся. Он, взяв кружку, сказал тост:

—За наше здоровье! За победу, камрады!

Он выпил сталинской водки и, крикнув в кулак, подхватил со стола бутерброд со шпиком.

—А вы, камрады, тут не дурно устроились,—сказал Краузе. —Хотел бы просить вас, побережь этого парня. Он еще девственник, а у девственников после войны будет великая миссия.

—Какая миссия, —спросил, обер—лейтенант.

—Нам предстоит, оплодотворить немецких вдов, которые потеряют мужчин на фронте,— сказал обер — фельдфебель и заржал.

Камрады засмеялись так, что часовой открыв двери, посмотрел, что произошло в расположении.

Обер – лейтенант бросил в Краузе пустую банку из-под сосисок и сказал:

–Иди ты Краузе к черту! Ты неудачно шутишь?

–А что! Я что –то не то сказал,–сказал Вальтер Краузе. – Это настоящая, правда –он еще ни одной девки не попробовал за свою жизнь. Скажи им Крис.

–Это правда? – спросил меня Крамер. –Ты еще не трахнул ни одной девки?

–Так точно, господин обер–лейтенант –ни одной. Я ни разу, не пробовал, как это «вдуть» какой –нибудь медхен...

–Парни с нами фортуна - среди нас девственник! Это хороший знак! Удача не оставит нас на этой войне!

Камрады дружно засмеялись и чокнувшись кружками, испили шнапс до дна. Я выпил и почувствовал, как шнапс прокатился по моим кишкам, разогревая околевший и голодный организм. Через несколько секунд алкоголь, словно разрыв фугаса, ударил в голову. Керосиновые лампы раздвоились и поплыли во мраке церковного подвала, закручиваясь каким-то калейдоскопом. Алкоголь придал голове приятное головокружение. Я закрыл глаза и почти заснул, погружаясь в атмосферу грез и сновидений.

–Эй, студент – ну-ка не спать, –прокричал мне Крамер. – Ты малыш, чаще закусывай! Ешь все, что видишь! Здесь тебе не голодная артиллерийская батарея – здесь парень, ди-

визионная разведка! Здесь и с кормежкой полный порядок, и выпивки хватит на всех и надолго.

Мартин подал мне краюху хлеба и целый котелок первой-классной, тушеной говядины. Такой еды я не видел с тех пор, как мы вошли в Велиж. К рождеству в городе, наступили перебои с продовольствием. Обозы интендантов и служб снабжения, идущие с тыла по витебскому шоссе, постоянно попадали в руки большевиков. Иваны сжимают кольцо вокруг города, что заставляло нас ту же затягивать пояса. На первых парах нашей оккупации города продукты можно было даже купить или выменять у местного населения. По приказу командира дивизии нам категорически было запрещено отнимать продукты питания насильно, чтобы не склонять русских к дикой партизанщине. Но с приходом холодов, интенданты активировали свои акции по изъятию продовольствия. Им было плевать на приказы командования, им хотелось кушать и кормить боевые подразделения, занятые в обороне города.

«К каждой свинье фельдполицая не поставишь», говорили «хомяки» и каждый день выходили на свой мародерский промысел.

—Кушай, кушай студент — у нас этого мяса много! Мои парни пару дней назад во время рейда нашли в тылу «Иванов», подорвавшуюся на mine корову. За пять минут мы нарезали килограмм шестьдесят мяса. Так, что голодать у нас не придется.

Весельчак Мартин, снова налил мне шнапс. Выпив, я окончательно погрузился в состояние какой-то одурманивающей дремы. Пока мои камрады поднимали тосты, я прибитый алкоголем крепко заснул. Очередной раз, проснувшись, я вспоминал о еде и с новой силой наваливался на гуляш. Служба в батарее истребителей танков дает о себе знать. Пока я дремал, обер –фельдфебель докурил свою трубку и спрятал её в карман. На прощание он пожал мне руку.

–Давай сынок, держись! –сказал он.–Как договорились, я через пару дней навещу тебя.

–Ах, да, вспомнил,– я вспоминаю, что обещал нарисовать Краузе портрет жены:– Я обязательно сделаю. Желаю вам, удачи господин обер – фельдфебель!

Краузе завернулся в шарф и молча, покинул подвал, в предчувствии погружения в морозные ванны.

В эти дьявольские дни, когда русская авиация утюжила наши укрытия, когда мороз косил нас сильнее вражеских пулеметов. Нервы были на пределе, и мы от собственных неудач срывались по любому пустяку. Было достаточно плохого слова, или даже косого взгляда, как в ход шли кулаки. Но сегодня впервые за несколько недель нам было весело. Играл трофейный граммофон, и обер–лейтенант Крамер разрешил нам выпить, чтобы разрядить нервное напряжение и поднять иссякающий боевой дух.

Уже скоро гуляние закончилось и мои новые камрады расползлись по своим спальным местам.

—Ну что Петерсен, пришла пора послужить делу великой Германии...

—Я готов, господин обер-лейтенант... Приказывайте,—сказал я, стараясь привести себя в норму.

—Мне хотелось знать, как ты малыш, представляешь себе нашу службу,—спросил офицер, закуривая очередную сигару.

—Я солдат! Я господин обер-лейтенант выполняю то, что мне приказывает командование. —Я готов умереть ради родины и нашего фюрера если надо.

—Ты глупец! Тебя Петерсен ни кто, не просит умирать ради родины и фюрера! Тебе это делать не надо. Для этого есть другие. Твоя задача — рисовать. Рисовать карты, рисовать огневые точки противника. Фиксировать на картах передвижение войск и смену позиций. Ну, а в свободное время, которого у тебя теперь будет навалом, можешь рисовать для камрадов голых баб. Только не рисуй того, что ты нам показывал. Это камрад война. А на войне не всегда ты можешь делать то, что ты хочешь. Найди твою мазню штурмбанфюрер Крамер, и тебе однозначно придет конец. Запомни, война с русскими, это тебе не вечерняя прогулка по Унтер ден Линден. Запомни малыш,— русские —это не французы, и даже не поляки. Убить русского невозможно. Русский мертв только тогда, когда похоронная команда зароет его в землю на глубину лопаты. Даже не погребенный, русский солдат опаснее живого. Истекая кровью, многие «иваны» выдергивают чеку

гранаты и ложатся на неё. Так погибли многие наши парни из похоронных команд. Перевернув труп, они подрывались на таких вот русских «сюрпризах». Ты разведчик, и твоя жизнь принадлежит не фюреру, а мне. Я твой командир! Ты понял меня малыш?

—Так точно,— сказал я, стараясь вникнуть в новые реалии. Крамер хоть и был под парами алкоголя, но уверенно встал со своего «трона». Я вскочил следом, как учили меня в учебной роте.

—Запомни студент, мы теперь одна семья! Твои новые камрады все с первого дня на восточном фронте,— сказал Крамер и хлопнув меня по плечу, скрылся в дверном проеме.

—Слушай новенький, теперь это твое место,— сказал мне Мартин.—Тут можешь положить свои вещи. Раньше здесь спал Фриц Гонне, которого украли большевики. Располагайся и будь, как дома в рождественскую ночь.

Я кинул свой ранец и осмотрелся: некоторые камрады разведывательной группы дремали после прогулки по русским тылам. Кто-то писал письма, а кто-то, вооружившись иглой и ниткой, в свете керосиновой лампы ремонтировал порванную в рейде униформу. Вся суэта придавала старинному подвалу какое-то особое фронтовое настроение.

Первое мое ощущение, было каким-то неоднозначным. Из гренадеров попасть в разведку было чем-то фантастическим и даже не реальным. Я был наивен и еще многого не понимал в этой проклятой войне.

Сейчас, когда я пишу строки этой книги, я осознаю тот факт, что мне в этой жизни просто повезло. Я остался жив и это главное достижение моей жизни. Я выжил в этом пекле и я думаю, что это был господний промысел. Бог, точно знал, что в конце моей жизни мне предстоит взяться за перо. Он оставил меня жить ради того, чтобы рассказать людям о том, что довелось пережить не только мне, но и всему немецкому народу. Я тогда еще не знал, что моя встреча с отчим домом затянется на целых восемь лет, и эти восемь лет я проведу здесь в России. Это еще будет впереди, а пока – пока шел сорок второй год. До конца войны еще было тысяча дней и ночей.

Раскаленная докрасна печь заполнила теплым воздухом все пространство церковного подвала. В этой обстановке жутко хочется спать. Усталость подобно болезни подкрадывается к каждому из нас и валит с ног, несмотря на яростные атаки противника. Правда, прибытие транспорта, который на малой высоте сбрасывал нам боеприпасы, оружие и хлеб все же принуждало к бодрствованию и ожиданию чуда. Наши «Юнкерсы» почти каждый погожий день и ночь доставляли по воздуху грузы, чтобы хоть как-то спасти гарнизон от полного истребления и голодного вымирания. Любой промах асов Люфтваффе приводил к тому, что наши письма, продукты и посылки доставались озлобленным «иванам». Каждый такой неудачный сброс создавал настоящий праздник в стане врага, и было слышно, как они пьют наш шнапс, едят

наш хлеб и консервы, и даже читают письма от наших жен и матерей. Да, тогда это была привилегия более удачного, вот поэтому многие, несмотря на жуткую усталость и голод, не спали. Камрады ждали наших ангелов – спасителей, прислушиваясь к любому звуку извне.

После двух суток без сна меня мгновенно сморило. В тепле подвала я уснул, оставив за собой все тяготы прожитого на фронте дня. Мне снились улицы моего города, цветущие каштаны и веселый взгляд матери, которая так не хотела, чтобы я уходил на фронт. Мысленно я писал ей письма, а уже потом в минуты отдыха эти мысли переносил на бумагу.

Крамер был опытным и мудрым офицером. Он любил Германию, но ненавидел нацистов, которые развязали эту войну. Он точно знал, какую цену мы заплатим, когда русские сломают нам хребет и войдут в Германию, чтобы уничтожить, родившийся там нацизм. Из разговоров с обер – лейтенантом, я находил для себя все новые и новые открытия и немного стал соображать, что наше присутствие в России обернется для нас огромными неприятностями.

Наш гарнизон уже месяц был в окружении. Нам верилось в то, что состоится чудо, и русские нас выпустят из кольца, расстелив перед нами ковровые дорожки. А возможно, обер – лейтенанту Крамеру хотелось знать, насколько я обстрелян, и что собой представляю, не как художник, а как солдат. На фронте я был всего три месяца и у меня был достаточный опыт выживания в экстремальных условиях. Мне было уже

не так страшно, как впервые дни службы, когда я умирал по двенадцать раз за день. Многие из моих боевых камрадов сложили головы, но этот рок обходил меня стороной, словно я был заговоренный самой матушкой Холли. К моему удивлению, я был жив, бодр и здоров.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЕРВАЯ ВЫЛАЗКА

Огонь в районе Кройцерштрассе не стихал. За пулеметным треском, воздух изредка разрывался артиллерийскими выстрелами, которые на расстоянии километра прошивали русские танки в боковую проекцию. От нашего подвала, где располагалась разведка, до места боевого столкновения было не более километра. Обер – лейтенант Крамер короткими перебежками вел меня за собой, пока мы не оказались на небольшой высотке, которая поросла мелким кустарником. Это была первая линия обороны. Она имела извилистую форму и проходила поперек города, разделив его на две зоны. Отсюда в бинокль было хорошо видно окопы большевиков. Сожженные и разрушенные войной дома, определялись по русским печам вдоль улицы. Город горел, заволакивая всю местность дымом.

–Ну что скажешь Крис, –спросил меня Крамер,–тебе уже страшно солдат?

–Уже нет господин обер–лейтенант! Я давно перестал бо-

яться. Привычка.

Крамер ухмыльнулся и, посмотрев на меня, сказал:

— Не бояться малыш, только идиоты, которые погибают в первом же бою. Страх потерять свою жизнь, должен сделать из тебя Петерсен, настоящего разведчика. Настоящую боевую машину смерти!

Не прошло и дести минут, как на наших глазах стали разворачиваться трагические события. В бинокль отчетливо было видно поле боя, благо наша артиллерия сожгла все дома русских на рубеже прикосновения с «Иванами». Какой-то одинокий танк, ворвавшись в город, на какое-то мгновение застыл, как бы определяясь с целью. Замаскированное за кирпичной стеной противотанковое орудие не заставило ждать. Камрады из моего артдивизиона, где я служил еще вчера, ударили в бортовую броню русского монстра подкалберным снарядом. Острая легированная сталь звонко отозвалась эхом. Снаряд пронзил его до самой боевой укладки — танк вспыхнул. Через секунду люк открылся, из него вырвалось красное пламя. Раненый механик — водитель, надеясь на спасение, успел вылезти только до половины. Его комбинезон и танковый шлем были объаты пламенем. Взрыв боевого запаса сорвал башню с погона и она, пролетев метров десять, упала в снег.

В бинокль было отчетливо видно, как наши артиллеристы после удачного выстрела пожимают друг другу руки, что напомнило мне учебный центр, где после удачного поражения

мишени мы радовались, словно дети.

Мы знали, что нас в России нас не будут встречать хлебом и солью, как это принято у русских. Мы благословленные идеей фюрера о расовом превосходстве верили в правоту и безнаказанность наших деяний. Мы верили в успех дела национал-социалистической партии, поэтому стояли насмерть во имя грядущих поколений.

—Я вижу, твои камрады сделали «ивана», как на учебном центре в Целле.

—Видел,— сказал я, —хорошо горит. Ярко!

—Черт, как сейчас жарко большевикам. Оказаться в таком аду я бы не никому пожелал,— сказал Крамер. —Теперь Петерсен, слушай боевую задачу.

Приказываю: осмотреть место боевого столкновения и на-неси на карту огневые точки противника. От точности исполнения зависит наши дальнейшие действия.

Мы сидели в отрытом окопе среди замерзших трупов большевиков которых припорошил снег. Хоронить тела было некому. Похоронные команды остались далеко в тылах, а пробиться к городу без резервов было невозможно. Мы были окружены. Бруствер окопа был не очень высок, но надежно защищал нас от осколков и русских пуль, которые частенько пролетали над головами, когда «иваны» били по нам из всех видов оружия.

—Господин обер —лейтенант, это вы ради раскрашивания карт вы искали настоящего художника?

—Ну и для этого тоже. Разведка студент, это особый мир. Для выполнения задачи нам приходится делать много того, что не свойственно человеку. Вот, к примеру, каркать, как ворона, или крякать уткой, чтобы привлекать внимание камрадов по оружию.

—Не велика работа каркать, как ворона или издавать другие звуки. Я считаю, что настоящий разведчик должен быть, прежде всего, охотником.

Крамер удивленно взглянул на меня. Выдержав паузу — он ответил:

—Ты, малыш, сообразительный!

За разговором мы на какое-то время упустили из вида поле боя. Сквозь сумерки и дым я заметил, как штурмовая группа русских короткими перебежками перемещается в нашем направлении. До них было чуть меньше километра. Обстановка стремительно менялась.

— Ну что пора, уходить студент! Нас могу ждать большие неприятности — сказал Крамер. —Эй, парни хватит отсиживаться! На левом фланге седьмой роты прорываются «иваны», — обратился он к минометчикам, которые сидели на дне окопа и играли в карты. —Ну-ка камрады, задайте большевикам жару!

Командир минометного отделения обер —фельдфебель взглянул в бинокль и прокричал:

—Расчетам, занять позицию!

Минометчики зашевелились. Похватав мины, они заняли

места возле минометов, согласно боевого расписания.

–Внимание! Прицел тридцать два пятьдесят четыре! Три мины – беглый огонь!

С северной стороны под прикрытием танков, короткими перебежками шли русские. Они стреляли на ходу из винтовок, прикрываясь танковой броней. Атака изначально была вялой. Русские шли, словно их гнали на убой. Это был какой-то тактический ход лишенный всякой логики.

Заработавший «Эрликон», моментально вверг наступающих красных в смятение и хаос. Это было единственное оружие, которое было способно противостоять натиску пехоты русских. «Иваны» старались вытянуть подбитый танк. От попаданий в броню, снаряды разрывались и тысячи осколков рикошетом били по красноармейцам, лежащих недалеко от передовой. Через пару секунд крошечного ада и все было закончено. Танкисты, ошеломленные таким обстрелом, отступили назад. Попытки танкистов прорваться были тщетны. Очередной раз мы отбили атаку. Наступление большевиков вновь было сорвано. В тот момент нами скорее руководило не боевая выкладка, а настоящий животный страх. Мы знали и чувствовали, что если вдруг нам придется сдать город большевикам, то ни одного немецкого солдата не минует чаша безжалостной расправы. В своей мести большевики были жестоки. Они не прощали пленным их былые «заслуги», а нам не хотелось становиться жертвами на этом кровавом пиршестве Сталина.

—Ну что, студент, хочешь вернуться в свою батарею,— спросил Крамер.

—Я служу там, где мне прикажет мое командование. Я принимал присягу и не отступлю от неё..

—Это похвально! Ты Крис, нравишься мне. Теперь тебя можно считать настоящим разведчиком! А теперь слушай меня Петерсен, внимательно — я не могу терпеть нацистов. Если ты, носил коричневую рубашку и стучал в полковой барабан, тебе в моем подразделении не место. Мы разведчики работаем тихо и аккуратно. У нас своя война и ведем мы её по своим правилам. Если акция проходит без единого выстрела, значит это хорошо.

—Я художник, господин обер —лейтенант, а не нацист.

—Тогда сдружимся,— сказал Крамер. —Я научу тебя, как выжить на этой войне. В рейд пойдем, посмотрим, на, что ты способен. А теперь студент, давай шевели окороками. Наши парни, наверное, заждались нас. Тем более, что ждет нас шнапс и отварная телятина с хреном.

Уже вскоре после вылазки мы вернулись на базу в блиндаж. Крамер, помыл лицо и руки и торс обтерев тело полотенцем . Он по своей натуре был чрезвычайно чистоплотен и постоянно следил за личной гигиеной, что спасало его от кишечных инфекций, которых на фронте было несметное количество.

Разведка в такие морозы валялась на нарах и до распоряжения начальства не высовывала носа, за исключением слу-

чаев, когда наши асы сбрасывали почту. Несмотря на всеобщий разгром и руины, в подвале церкви поддерживалась чистота. Штаб генерала Зюлова находился прямо над нами – внутри самой церкви. Высокая колокольня была цела, и с неё открывался удивительный вид на местные просторы. С этой точки КП корректировщики корректировали огонь по укреплениям красной армии сосредоточенной вокруг города.

Вокруг церкви находились разрушенные дома. В некоторых засели солдаты нашего полка, присмотрев себе прочные кирпичные подвалы. Я не знал тогда, чем для меня окончится эта война. Мне, как и всем хотелось жить. Невидимые руки тянули за ниточки, а мы подобно марионеткам делали то, что хотели наши правители. У русских было примерно также. На фронте каждый солдат чувствовал, что он малюсенький винтик в этой огромной машине смерти. Огромные жернова этой гигантской мельницы, перемалывались судьбы людей и целых народов. Страдали все, а мы, словно бойцовые петухи, бились на полях сражений в угоду амбиций наших фюреров.

Описать весь кошмар и ужас блокады я вряд ли смогу. Ни в одном языке нет таких слов, чтобы выразить страх и те страдания, которые выпали на долю тех поколений. В течение двух лет непрерывной войны, я вопреки пропаганде научился уважать противника.

Каждый день на протяжении последних месяцев на город

обрушивались сотни тонн бомб, снарядов и свинца. В подобной обстановке выжить было невозможно. Ценой огромных потерь большевики старались вернуть город. А мы также, ценой жизней старались удержать этот город, ставший для многих нас братским захоронением. Нам было страшно. Страшно было остаться без этих глубоких купеческих подвалов и толстых кирпичных стен, которые спасали нас не только от ураганного огня советов, но и знаменитых русских морозов. Страшно было в такой холод оказаться вне стен, да еще и на открытом поле. Это было полное самоубийство и замороженные трупы, торчащие из снега, были подтверждением суровости русской зимы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РЕЙД В РУССКИЙ ТЫЛ

Вечером 6 февраля 1942 года полковник Шорт вызвал Крамера к себе на КП. Он в течение часа проводил совещание офицеров нашего полка, на котором довел приказ командующего группы армий «Центр». Он поручил разведке достать языка из числа офицеров противника.

—Господин обер -лейтенант, согласно данных севернее города русские сосредоточивают крупные силы четвертой армии генерала Курасова. Нам важно знать, будут ли большевики наступать с Севера. Приказываю вашему разведывательному подразделению выйти на рубеж соприкосновения

с противником и перейти линию фронта для пленения "языка". Желательно из офицерского состава.

—Есть, господин полковник, разрешите идти исполнять... Хайль Гитлер! — отрапортовал Крамер. Он хотел было щелкнуть каблуками, но русские валенки на ногах командира разведывательной роты лишь гулко хлопнули. Полковник взглянул на ноги Крамера и, улыбнувшись, сказал:

—Вас следовало бы наказать за нарушение формы —одежды, но господин обер-лейтенант, я пожалуй закрою на это глаза. Ваша задача сопряжена с тылом противника, поэтому я прощаю вам ваши вольности.

Крамер, поднимая клубы пара, ввалился в подвал. Он, словно гауптфельдфебель просвистел в свисток, объявляя общий сбор.

—Так, всем строиться...

Рота выстроилась в помещении подвала, который заменял казарму.

—Так парни на сегодня — есть работа! Ночью, выходим за линию фронта. Полковник Шорт поставил задачу добыть русского «языка». У нас есть сорок восемь часов. Да, приказываю отметить в ваших ржавых мозгах - это приказ фельд-маршала фон Бока. Генерал Зюлов сомневается, о времени и месте деблокирования гарнизона. На сборы три часа форма одежды трофейная. В районе Верфштрассе, у нас будет возможность выйти в тыл противника, используя скрытые саперные галереи. Унтер —офицер Рудольф Уве, вам поручает-

ся главная роль. Будешь русским пленным майором. Остальным напоминаю, мне не нужны сюрпризы, как в прошлый раз. Помните парни, нам поставлена задача высшим руководством. Всем готовиться! На сборы десять часов. Выступаем за три часа до рассвета.

Сборы в тыл противника имели определенный ритуал. Никто никогда, не нарушал его. От четкого соблюдения правил, зависела удача нашей вылазки. Крамер, как русский фольксдойч сам проверял тех, кто уходил за линию фронта. Многие не только знали русский язык, но и могли достоверно сыграть роль любого «ивана». Я на их фоне выглядел белой вороной, каркающей по- немецки.

После объявленных сборов, в подвале церкви собралась вся полковая разведка. Камрады стояли в шеренге и совсем не отличались от большевиков. Те же изможденные лица, та же униформа, стеганные ватные куртки валенки белые маск-халаты. Весь этот камуфляж, должен был «растворить» наш отряд в тылу «иванов», как растворяется сахар в кипятке. Крамер не хотел брать меня, опасаясь того, что я не достаточно подготовлен. Я убедил его, что справлюсь с любой поставленной задачей. Форма русского лейтенанта мне была к лицу. Русские знали толк в зимнем обмундировании, поэтому всё, что я на себя натянул должно было защитить меня от мороза.

-Ты студент, между прочим, похож на русского лейтенанта,- сказал Крамер.

Парни смотрели на меня и задорно смеялись.

-Так парни, пришло время проверить ваши карманы,- сказал Крамер.- Курительные принадлежности на стол.

Я был в недоумении. Я тогда не понимал, что хочет обер-лейтенант, заставляя нас достать табак.

-Эрик, это что,- спросил я одного из моих новых камрадов.

-Обер-лейтенант каждый рейд заставляет оставлять наши сигареты и менять их на русский вонючий табак. А по возвращении мы опять забираем свои и возвращаем эти мешочки, которые Краузе собирает с поля боя.

-Зачем,- спросил, я ничего не понимая. -Это что за мешочки такие?

-Это русские портсигары. Это табак! Русская махорка совсем не так пахнет, как наш табак – она воняет заячьим дерьмом!

-Зачем все это?

-Зимой Крис, вонь этой махорки, очень далеко чувствуется. Русские караульные собаки натасканы на запах табака и кофе. Они нашего брата, чуют за километр. Поэтому у нашего обер -лейтенанта еще не было ни одного провала. Он счастливчик. Он знает свое дело туго.

-Крис, а ты хорошо смотришься в новом наряде. Если бы ты знал еще русский язык, тебе бы цены не было,-сказал вздыхая Уве.

-Если бы я знал русский! Я бы сидел в ставке, в Берлине,

или работал бы на радио под крылом рейхсминистра по пропаганде. Я сегодня пил бы черный кофе на Вильгельмштрассе, а не ползал бы с вами по тылам большевиков в поисках приключений на свой зад.

—Да, старик, ты прав! Знание языка врага делает нас неуязвимее и сильнее в несколько раз если смотреть на нашего командира, то в нем чувствуется, что—то такое русское. А про русских женщин я даже не смею говорить. Они фантастически хороши —сказал Уве, раскуривая трубку.

—А как же приказ?

—Какой приказ, ничего не знаю ни о каком приказе,- ответил пулеметчик.

—Приказ, чтобы не связываться с русскими бабами, —спросил я, намекая на последствия.

Толстяк засмеялся. Он улыбнулся и театрально ответил, чтобы дошло до всех.

—За каждый куст, где наш Ганс дерёт молодую русскую фрау, Гитлера не поставишь...

В подвале грянул гром смеха. Вот тут я впервые почувствовал, что мы одна семья. Там где каждый из парней готов оказать помощь другу, не смотря на смертельную опасность.

—Не боишься, -спросил я толстяка.

—Нет, не боюсь,- ответил Уве и растянул свой рот в улыбке.

Время подходило к вылазке, но так не хотелось покидать теплый подвал. Радовало одно, что мороз немного начал отпускать, да и большевики в утренние часы бдитель-

ность не проявляли –это была их национальная черта. Можно было, переодевшись в форму красноармейца, беспрепятственно пройти к ним в тыл и точно так же легко вернуться назад, если конечно не подорвешься на собственной мине. По нашим данным утром когда встанет солнце, русские снова предпримут штурм. В это время мы должны быть уже в нескольких километрах от линии фронта.

Вся наша группа во главе с Крамером на лыжах выдвинулась на боевые позиции. Утром там должна была начаться разведка боем. Эти ежедневные выпады большевиков были лишь прелюдией большой "войны", которая должна была наступить неожиданно еще до подхода десятой бригады под командованием генерал-майора Клауса Мюллера – Бюлова.

В районе городской больницы в воздух взвилась зеленая ракета. «Иваны», несмотря на потери, снова заорали "Ура" и пошли в атаку. Во время вспышек разрывов снарядов и мин были видны силуэты наступающих, которые короткими перебежками приближались все ближе и ближе к позициям третьей и седьмой роты, где командовал лейтенант Яшке. Огня пока никто не открывал, давая большевикам подойти до расстояния одного броска.

Каждый солдат своей промерзшей на русских морозах кожей ощущал, наступление врага, и уже был готов встретить его во всеоружии, примкнув штыки к карабинам. Как только шеренга наступающих «иванов», приблизилась к первой линии обороны, прозвучал одиночный выстрел из карабина.

Это был условный сигнал. Стрелял лейтенант Яшке. Он подал знак камрадам и в одно мгновение огонь из стрелкового оружия превратился в сплошной гул. В этот момент, сразу из нескольких мест заработали наши пулеметы и минометы, не которые, не давал, ни одного шанса на прорыв нашей обороны. Русские, моментально не поднимая голов, зарылись в снег. Вполне достаточно было продержаться их на морозе около часа, как они начинали примерзать к земле, чтобы стать жертвами этого смертельного колеса крушащего человеческие жизни и судьбы.

Верфштрассе и Нордштрассе превратились в ад, огонь клубком катался между русскими и нашими позициями, а пули со свистом проносились мимо. В тот миг казалось, что земля просто кипит от огня. Разрывы минометных мин перемешивались с взрывами артиллерии, которая была по «иванам» прямой наводкой. Шрапнель с такого расстояния разрывала их тела на части, а живым она не давала поднять голову. В одно мгновение атака русских захлебнулась. Через час исход боя был окончательно предрешен. Очередное наступление большевиков было отбито силой стрелкового оружия и силой немецкого духа.

Крамер, сделал знак рукой. Он держал наготове оружие, мы переползли нейтральную полосу, минуя по саперным галереям передовую русских. Пройдя в тыл к большевикам, мы надели лыжи и прикинулись разведгруппой, выходящей из рейда. Впервые мне довелось оказаться за спиной врага.

Признаться честно — было немного не по себе. Используя складки местности и лесной массив скрывавший дозорные разьезды советов, мы через два часа оказались в двенадцати километрах от линии фронта.

Вторая линия обороны просто кишела русскими и любая оплошность могла поставить жирную точку на нашей группе. В то время ничего не оставалось, как доверить свою судьбу командиру. Крамер один из тех, кто на этом фронте был не новичком. За все время войны с русскими он не просто изучил национальные повадки. Он был самым русским. Удача всегда была его спутником. Обер — лейтенант в свободное время читал русские газеты, книги и слушал русские пластинки, восхищаясь величиим культуры славян и всегда был в курсе последних событий на фронте и стране. Не было того дня, когда бы он, не присутствовал на допросах пленных, которые сдавались десятками и даже сотнями. Вот эти знания не один раз спасали жизнь нашей группе. Крамеру достаточно было выругаться русским матом, как у "большевиков" сразу же пропадал интерес. Эти слова подобно универсальному паролю имели магическое действие, и почти всегда это беспрепятственно срабатывало.

Так и сегодня, переодевшись в русскую униформу и маскировочные халаты, мы тащили связанного немецкого майора, инсценируя армейскую разведгруппу, выходящую из тыла противника. На отклики охранения с требованием пароля, Крамер, словно "Везувий", изрыгал такое количество

бранных русских слов, что охрана смеялась. Видя наши уставшие и заросшие щетиной рожи и "подсадного майора" со связанными руками нас пропускали в тыл, обеспечивая новым паролем.

Порой мне казалось, что помогает нам Бог. Он прикрывает своей незримой защитой, чтобы вновь и вновь мы возвращались "домой" с огромной удачей.

Пробраться в тыл русских было не самым опасным. Опаснее всего было спрятаться, и выждать нужный момент, чтобы подкравшись, как пантера, броситься на врага и в мгновение ока нейтрализовать его. Нам везло –русские подойдя к городу не успели укрепить свои позиции. Только два дня назад в составе трех стрелковых полков и 48 стрелковой бригады они подошли по ротации перед наступлением. Измотанные переходом, а после боями местного значения, «Иваны» продолжали какое-то время еще штурмовать город. Наша авиация работала круглосуточно и имела такое преимущество, что "сталинских соколов" было почти не видеть. «Юнкеры» и «Фокевульфы» висели в воздухе постоянно, сбрасывая на головы большевиков не только бомбы, но и всевозможные бочки и даже куски железных труб. Дьявольским свистом они заставляли русских прятаться в укрытия. Вот в такой обстановке приходилось делать рейды по вражеским тылам, рискуя попасть в руки подходившего подкрепления, или же нос к носу столкнуться с боевым охранением, которое на лошадях перемещалось вдоль линии фронта.

—Крис, ты хочешь получить «Железный крест»,—спросил меня обер-лейтенант, что-то высматривая в бинокль.—Давай студент, пришел твой звездный час. Вон гляди идет какой-то русский по всему видно, что военный. Направляется на передовую!

Крамер, взял меня с собой, и двинулся по дороге навстречу, разговаривая со мной по-русски. Я вообще не понимал ни слова, но я играл свою роль, повторяя раз от разу одно слово «Да», которое я заучил почти без акцента. В наших действиях был определенный риск, но тогда мы уповали только на Бога, но и наудачу. В любой момент на дороге мог показаться разъездной дозор или проехать машина. Наша вылазка в тыл врага могла закончиться пленением или даже смертью. Хотя я знал, что за спиной были мои товарищи по-оружию и они в любой момент могли броситься на помощь и ввязаться в кровавую драку. Нервная дрожь трясла меня, словно травинку на ветру.

Крамер поравнялся с русским и просто попросил у него прикурить. Я стоял по правую руку, и постанывая, делал вид, что ранен.

«Иван» улыбался, старался шутить с Крамером. Он не подозревал, что мы совсем не те за кого выдаем себя. Русский достал мешочек с табаком и скрутив мне самокрутку. Он даже прикурил её для меня, сопереживая за "ранение" руки, которое было искусно замотано бинтами. Продолжая разговор, он расстегнув ширинку, и стал мочиться на обочину до-

роги. По выражению лица лейтенанта я понял, что этот русский не представляет для нас никакого интереса – он ничего не знает. Он только, что прибыл из госпиталя и направляется в распоряжение стрелковой роты 334 стрелковой дивизии, которая сосредоточилась севернее города.

Он попрощался и ушел, пожав руку Крамеру.

–Господин обер–лейтенант, почему мы не пленили этого "ивана"? Удача сама плыла, нам в руки? –спросил я, удивившись с какой легкостью Крамер отказался от добычи.

–Студент, поймать хорошего русского, это, как поймать хитрую и умную рыбу. Этот сержант только, что прибыл из госпиталя, он ничего не знает о планируемых мероприятиях, и для нас он никакой пользы не представлял.

–Я думал, что мы уже можем возвращаться с "языком". Я тогда не знал я, что нас впереди ждут такие приключения, которые мне запомнятся на всю жизнь.

–Ты, обер–ефрейтор не спеши! Нам нужен, матерый. Ядреный комиссарище. Желательно, чтобы это был офицер штаба, а не сержант пулеметного взвода. С него, как с козла молока.

Я удивился, не поняв славянского юмора. Козлы ведь не дают молока. Лишь после того, как Крамер сказал о значении этой поговорки, я засмеялся.

–Да, с козла молока не надоишь. Хорошее выражение.

–Соображаешь, студент! Ты учи русский, нам же предстоит долгая война. Сам видишь –Гитлер, недооценил против-

ника и это только начало нашего кошмара.

В тот момент я уже видел в глазах обер-лейтенанта странное разочарование и даже сожаление. Но шаг был сделан, а обратного пути у нас не было. В его голосе, в его интонации было видно и слышно, что он сомневается в победе Германии. Нет—это не была потеря боевого духа. Это было абсолютное знание психологии и повадок противника, с которым он прожил вместе долгие годы. И с которым имел возможность дышать одним воздухом. Это дорого стоило. Русские вопреки всем прогнозам фюрера, дрались за каждый дом, за каждую улицу, за каждый метр своей земли. Они умирали сотнями и даже тысячами. И мы чувствовали и знали, что они будут стоять до последнего солдата.

В то время я старался впитать в себя все то, что говорил мне Крамер. Я заморожено смотрел на этого braveго служаку, стараясь постигать нелегкую науку солдатской жизни. Позже эти знания не один раз спасут мне и моим товарищам жизнь. А сейчас, мы лежали в лесу, зарывшись в снег, и ждали своего часа. Пронизывающий до костей ветер нес снежную поземку, которая засыпала нас, скрывая от глаз недремлющего врага. По дороге в сторону линии фронта ехала легковая машина. Свет фар еле освещал дорогу впереди неё.

—Камарады, схема работы прежняя —наш "художник" тяжело ранен и еле передвигает ноги. Ганс, на прикрытие по левому флангу. Уве, идешь с нами. Сценарий банально прост —ты офицер, которого ведет полковая разведка. Я за старше-

го —работаем тихо!

Мы вышли метров за двести перед русской машиной. Впереди нас еле переставляя ноги шел Уве. Он бесподобно играл пленного офицера, скрывая под шинелью заряженный «Р—38». Следом за ним, изображая советских разведчиков, шли мы с Крамером, держа на мушке "подсадную утку". Я артистично ковылял, опираясь на импровизированный костыль. Это было необходимо, чтобы вызвать в душе "собратьев" сострадание. Наше оружие было наготове и нам было неизвестно, что на уме у того, кто ехал в машине. Когда легковушка подъехала к нам ближе, лейтенант поднял руку. Машина остановилась. Из открытой двери автомобиля показалась голова водителя, который спросил:

—Вы кто?

Обер—лейтенант Крамер, сказал чисто по—русски:

—Капитан Сергачев, полковой разведка 360—й стрелковой дивизии. Мы ведем немецкого языка в штаб. Во время выхода из немецкого тыла, "Фрицы" ранили молодого лейтенанта в ногу и руку. Ему срочно необходима перевязка. Он потерял много крови.

Внутри машины кто—то зашевелился. Водитель спросил разрешения и вышел на улицу. Уве, выстрелил из "Вальтера" шоферу в лицо. Кровь фонтаном вместе с мозгами брызнула на снег. Солдат умер мгновенно и повалился на дорогу, дергая ногами в смертельных конвульсиях. Обер—лейтенант Крамер, направив автомат на майора. Животный ужас охва-

тил офицера штаба, и он беспрекословно подчинился. Вместе с Мартином Лидке я стянул убитого «Ивана» в кювет и присыпал снегом. На это ушло не более двадцати секунд.

—Студент, в машину за руль,—проорал мне Крамер.

Я запрыгнул в машину.

—Слушай внимательно Петерсен. От этого зависит, прорвемся мы или нет. Ты ведешь машину, я отвечаю на все вопросы охранения. Молчи и ничего не говори.

—Мы, что едем к линии фронта в город,—спросил я командира.

—Нет, студент, мы идем пешком и тащим за собой майора. Ты хочешь чтобы "Иваны" шли за нами на лыжах, чтобы отбить эту жирную русскую свинью?

Я знал, что вся местность вокруг города набита русскими. Здесь было сосредоточено, столько войск, что прорваться через линию фронта не представлялось возможным, но я верил командиру.

Тем временем, пока мы обсуждали план прорыва, наши камрады ушли по запасному маршруту, который был в планах отхода. Я тогда впервые испугался.

Крамер в отличии от меня, чувствовал себя, как в своей тарелке. Он был русский и немец в одном лице, и этот факт делал его не уязвимым. Я видел, как он изъяс у советского майора все документы. Спрятав их во внутреннем кармане, он приказал мне ехать. Хладнокровие лейтенанта вернуло мне боевой дух и я обратив молитвы к господу, тронулся,

полагаясь на командира, как на самого Бога.

—Так студент, за тем лесом через пять километров будет пост охранения. Подъезжаешь к шлагбауму и останавливаешься. Все вопросы решаю я. Твоя задача во время давить на газ и слушать мои команды,—сказал Крамер и тронул меня за плечо.

Майор, опасаясь за свою жизнь, рассказал обер—лейтенанту, все пароли, которые были в то время ему известны.

Подъехав к шлагбауму, я остановился. Сержант, держа автомат наготове, подошел, к машине и посветив через стекло, спросил:

—Ваши документы.

Крамер знал порядок проверки документов. Он дружелюбно улыбнулся, и подал их караульному.

—Тыловое обеспечение,—спросил он, развернув бумаги.

—У вас какие —то сомнения сержант, - спросил Крамер. — Разверните командировочное предписание. Мы в штаб —интендантская служба 108 дивизии.

—Пароль —спросил сержант, освещая машину фонариком.

—Яуза, —сказал спокойно Крамер.

—Угра, —ответил сержант, и вернул документы. —Сидор, открывай —документы в порядке,—крикнул он часовому и тот поднял шлагбаум. Я облегченно вздохнул и почувствовал, как по моей спине промеж лопаток пробежала струйка пота.

Советский майор даже не ожидал, что окажется в плену. До последнего момента он не верил в то, что попал в лапы

немецкой разведгруппы. Страх за свою жизнь, который испытывал этот комиссар, заставил его сказать нам пароль. Машина, объезжая дозоры, приблизилась почти к самой линии фронта. До наших позиций оставалось около километра, и они были самыми опасными. Я думал, что Крамер прикажет мне давить на газ, но он молчал. Рывок на легковом автомобиле по минным полям без проходов и через линию обороны мог совершить только безумец.

Сделав инъекцию, сонным препаратом советскому майору, он перевел его в состояние глубокого сна.

Выскочив из машины невдалеке с полевым медсанбатом он, приказал мне молчать. Перебинтовав мне горло, он заставил меня прикинуться раненым в шею, чтобы избежать лишних расспросов.

Крамер был виртуоз разведки. Через двадцать минут, меня и русского майора санитары грузили в грузовую машину, чтобы срочно доставить в полковой лазарет. Я не понимал замысла командира, но всецело доверял ему.

Что было после, я вспоминаю с трудом.

Во время артиллерийской подготовки обер-лейтенант Крамер я и майор, оказались в полосе между двух огней. Минометчики нашего полка закидали территорию врага, дымовыми минами и нам удалось, под прикрытием пулеметов прорваться в первую линию обороны, волоча за собой связанного майора.

Было ли это чудо или нет, но я понял, что Бог любит сме-

лых и отважных людей таких, как обер-лейтенант Крамер.

Трое суток ожидания тянулись, словно целая неделя. Крамер не находил себе места. Ганс и толстяка Уве, из рейда не вернулись. Через двое суток обмороженные и изнеможенные Мартин Лидке и Вильгельм перешли линию фронта в десяти километрах восточнее города в полосе действия 900 штрафного батальона, занявшего высоты возле деревни Саксоны. От них мы и узнали, как нелепо погибли наши камрады, подорвавшись на русской mine

—Кристиан, у тебя красивый подчерк оформи на наших парней карточки пропавших без вести. Нашим ребятам просто не хватило чуть-чуть везения. Они прикрывали нас, как могли до последнего, когда мы с Крамером прорывались на передовую.

Я тогда был молод и возможно совсем не представлял, в какую опасную смертельную игру был втянут весь народ Германии в какую опасную игру мы играли каждый день под обстрелом русских.

Несколько дней обер-лейтенант Крамер терзал себя. Каждый вечер, он перед тем, как пить шнапс, рассматривалменные жетоны и что-то бормотал себе под нос. Мне казалось он сходит с ума. Я наблюдал за Крамером и боялся, что он окончательно тронется, а вслед за ним начнем сходить с ума и мы. Через неделю, после рейда необходимо было вновь идти к «иванам». Крамер напился, как свинья шнапса. Вот тогда, он сказал мне:

—Студент —на кой черт сдалась нам эта война? Что мы делаем в этой стране? Мы каждый день теряем наших камрадов и конца этому не видно. Можешь отнеси каптенармусу жетоны. У меня больше нет сил, ждать парней. Приказ есть приказ. Я направляюсь в штаб. У нас новый командир дивизии, некий генерал Зицингер. Он сегодня принимает дивизию.

Нос к носу Я столкнулся с начальником штаба, подполковником Шванике. Я вытянулся перед ним по стойке смирно.

—Солдат,—обратился он ко мне.

—Я вас слушаю, господин, полковник.

—Я видел вас вместе обер—лейтенантом Крамером.

—Так точно, я подчиненный обер—лейтенанта Крамера,—ответил я, стараясь не дышать.

—Что вы делаете в помещении штаба,—спросил подполковник, стараясь приладить монокль.

—Я господин подполковник исполняю приказ обер—лейтенанта Крамера. Мне приказано передать каптенармусу списки погибших и пропавших без вести. Вот их документы и личные вещи.

—Солдат, а ваш командир сам не мог доложить, как это предусмотрено боевым формуляром!? Передайте ему, чтобы он.....

Разговор прервал телефонный звонок. Подполковник Шванике, указав мне на выход, подошел к телефону, кото-

рый подал ему связист—ефрейтор. Уже на выходе, я услышал, как начальник штаба, вытянувшись по стойке смирно, стал с кем—то разговаривать.

—"Есть, есть! Так точно! Хайль Гитлер"!

Немного притормозив, я краем уха услышал ошеломляющую новость. Спустившись в подвал церкви, где была вотчина Крамера, я подошел к лейтенанту и без всякой субординации прошептал ему на ухо:

—Господин обер—лейтенант, на нашем участке фронта грядут перемены. Я только, что слышал, десятая бригада идет к нам на помощь. Возможно, что блокада будет прорвана, и мы сможем свободно вздохнуть. А может, нас отведут в тыл на ротацию. Новый генерал Зицингер, сегодня собирает весь офицерский состав для представления. Подполковник Шванике просил передать, вы лично должны были ему доложить о потерях.

—Старик Зицингер, меня возможно поймет! Он ведь боевой командир, а не берлинский служака из ставки. Приготовь мне горячей воды! Необходимо помыться, побриться и идти на аудиенцию к подполковнику Шванике.

Я поставил на печь кастрюлю со снегом и уже через двадцать минут из неё пошел пар. Постепенно подкладывая снег, уже примерно за час натопился довольно большой объем горячей воды. Крамер скинул с себя верхнюю одежду, обнажив спортивный торс. Все его тело украшали боевые шрамы, полученные за время всей войны.

—Что стоишь -поливай! —сказал он, держа в руке кусок французского мыла из старых запасов.

Я, зачерпнув ковшом воду, стал обливать лейтенанта горячей водой. Тот мылился, фырчал от удовольствия, смывая с себя пот и грязь фронтового быта. Я понял Крамер вышел из эмоционального штопора. Теперь на моих глазах он обрел второе дыхание. Минут через тридцать обер—лейтенант уже был готов. Лицо его светилось и от него слегка благоухало свежестью чистого тела и дорогого французского одеколona. Тоска в глазах сменилась искрой, которая горела, как после удачного рейда.

—Крис, как я выгляжу!?! —спросил меня Крамер.—Я мог бы стать героем твоих картинок?

—О, господин обер—лейтенант, вы хороши, как новая рейхсмарка. С вас можно икону писать!

—Русские студент, тоже так говорят —хорош, как новый пятак!

—Так точно господин обер—лейтенант, —сказал я.

—Смотри —скоро тебе пригодится солдатский разговорник. Грядет время великих перемен. Впереди нас ждет лето. А где лето там тепло, там пляж, женщины и много шнапса. Ты, Кристиан, любишь женщин!?! —спросил он, расчесывая волосы, глядя в осколок зеркала.

—Я девственник! У меня еще никого не было!

—О, да —вспомнил. Ты девственник,—сказал Крамер. иронично улыбаясь.

—Так точно, господин обер—лейтенант! Я еще не успел стать мужчиной.

—Дай бог дожить нам до теплых дней. Русские не смогут постоянно сдерживать напор нашей армии и уже скоро они далеко отойдут на Восток. Вот тогда мы решим твою проблему! В окрестных селах еще должны остаться хорошенькие фроляйн.

—А как, господин обер—лейтенант, приказ фюрера!? —спросил я, стараясь предугадать его ответ.

—Фюрер не следит по ночам —это привилегия Господа! Я же не буду об этом ему докладывать.

—Так точно, господин обер—лейтенант! —сказал я выпятив грудь, вытянулся в струнку.

—Вот и хорошо...

Крамер ушел в штаб, а я завалился на нары, мечтая о скором наступлении долгожданного тепла. Постепенно глаза закрылись. Я уснул, провалившись в мир сновидений и грез.

ГАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЧЕРНАЯ ДЫРА

Крамер В полном молчании подошел к печи и присел на свой командирский «трон». Он закурил, и, глядя на огонь, бьющий из-под дверки, сказал:

—Камрады! От Суража до Усвят, русские пробили проход в нашей обороне и сдерживают его своими силами. По

данным авиаразведки через этот «коридор», утекают войска большевиков, попавшие в наше окружение в районе Витебска. Из наших тылов через эту "черную дыру" выходят окруженные части и разрозненные боевые подразделения. Приказом нового командира дивизии генерала Зицингера нам приказано ночью выйти в направлении «коридора» и провести разведку с целью блокировать этот участок силами идущего к нам резерва. Нам предстоит встретить десятую бригаду 83 дивизии, которая должна развернуться с марша и прикрыть эту "калитку". На рубеже деревень Секачи Миловиды, Нивы - русские сдерживают проход по Витебскому тракту. Выходим ночью, силами двух стрелковых отделений. Движение осуществляется согласно боевого порядка. Приказываю: —в огневой контакт не вступать. Петерсен —от меня ни на шаг. Не хочу, чтобы твоя мать фрау Кристина, проклинала меня за то, что тебе русские оторвут голову. Ты еще нужен Германии.

—Есть...

—Я не хочу, чтобы ты, сдох на этой войне, — сказал обер-лейтенант. —Ты пока еще не воин! Ты творец, и, должен помнить об этом каждую секунду. Сегодня, нам предстоит пройти по русским тылам. Ты если хочешь, можешь, остаться в гарнизоне, —сказал обер-лейтенант.

—Спасибо, но я пойду с группой. Если господу будет угодно, он не даст меня в обиду.

—Идиот! Ты молод и многого не понимаешь! Рано или

поздно война закончится без твоего участия. А сегодня – я твой бог, и я хочу, чтобы ты, сохранил, свою жизнь ради твоего таланта. Я малыш, верю в твой разум!

По молодости я был немного наивен. Я не подозревал, что обер-лейтенант Крамер, уже был разочарован идеей фюрера захватить Россию. Он знал, что эта война, развязанная Гитлером, будет закончена полнейшей капитуляцией и крахом всей Великой Германии. Я чувствовал тогда, что он хотел, рассказать мне, о его мыслях, но я был молод и многого тогда не понимал. Я полагался на свой юношеский максимализм. Раз от разу в словах Крамера проскакивали нотки дикого, славянского бунтарства, но в открытую, высказывать эти вольные идеи он опасался. В каждой роте был свой информатор, носивший значок националистической партии фюрера на внутренней стороне солдатского френча.

В один из вечеров разведывательный отряд в количестве двух отделений, направились в очередной рейд по тылам русских. Командование решило перепроверить данные авиаразведки, чтобы на месте «по – живому» установить места сосредоточения большевиков. На лыжах сквозь февральскую метель мы скрытно вышли на окраину города, и слившись с окружающим фоном спустились к реке. Здесь под прикрытием берега, можно было незаметно двигаться вдоль реки.

В то время, линия обороны проходила по самому центру Дюны. С одной стороны располагалась наша линия обороны, с другой стороны окапались "иваны". Большевики сто-

или узкой полосой от деревни Разуваевка до деревни Секачи. Именно в этом месте они блокировали подходы к городу и простреливали всю дорогу, которая шла из Витебска. Рельеф был сложным: с западной стороны города большевики не старались наступать. Им еле-еле хватало сил, чтобы сдерживать натиск десятой стрелковой бригады, которая подпирала со стороны Суража.

Короткими перебежками по заснеженному льду реки мы вышли на рубеж Нижних Секачей. Именно здесь было самое узкое место в обороне русских, где мы могли перейти линию фронта и скрыться в пресловутом большевистском коридоре. От пребывания в глубоком снегу маскировочные халаты покрылась льдом. Они затрудняли движение, и этот факт перед природой и стихией был неоспорим. Впереди было тридцать километров марша по таким чащобам, по которым могли перемещаться только русские медведи. Это был самый стык двух армий армии «Центр» под командованием генерала –фельдмаршала фон Клюге и армии «Север», под командованием генерала –фельдмаршала Георга фон Кюхлера. Именно на этом куске в сорок километров на рубеже группы армии «Центр» по лесам и болотам, русские устроили этот коридор, и спокойно перемещали выходящие из окружения войска,обозы с оружием и провиантом для партизанских отрядов.

Нам была поставлена задача пройти лесами почти до самых Усвят и нанести на карты оборону русских. Тогда вся

правая сторона реки была занята врагом. Приходилось пробираться в тыл к «иванам», минуя передовые и авангардные сторожевые кордоны. Во время перехода через реку в районе деревни Верховье, мы совершенно случайно повстречались с русской снайперской группой. Русские шли в белых масках в лыжах в нашу сторону. Их было пятеро. Три снайпера и боевое прикрытие с автоматами. Обер-лейтенант Крамер, заметил их в свете Луны, когда они были в двухстах метрах от нас. У нас было время окопаться в снегу, чтобы в нужное время неожиданно предстать перед врагом. Командир поднял вверх правую руку, что означало готовность к рукопашной схватке. Мы достали ножи. Сжавшись, словно устрица, я с головой нырнул в снег, чтобы по сигналу командира броситься в рукопашную схватку. Все предрассудки остались в прошлом. Я почувствовал тот азарт, который чувствует настоящий мужчина перед тем, как броситься на врага.

–Вперед, – закричал Крамер.

Он первым же ударом вскрыл горло идущему в авангарде "Ивану". Его ноги подкосились. Кровь хлынула из артерий, фонтаном обагрив снег.

Что было дальше, я помню плохо. Помню - суровые лица поросшие щетиной. В их глазах не было страха. В их глазах была ненависть и презрение к нам и к смерти. Русские бились отчаянно. Несмотря на усталость, они нашли силы, чтобы пятером противостоять двум отделениям наших парней. Изначально исход рукопашной схватки был предрешен.

Дрались молча. Ни единого выстрела. Ножам и прикладами карабинов и кулаками мы свалились в свару. Русская группа старалась сдержать наш натиск. Встав спинами друг к другу они завертели свою кровавую карусель.

Схватка была скоротечной. Я до сих пор с ужасом вспоминаю, до какой нечеловеческой злобы может война довести обычного человека. Бросившись в кучу, я мгновенно получил прикладом русского автомата в лицо. Черный провал небытия, в который мне довелось свалиться, сохранил мне жизнь. Я не видел боя. Очнулся я лишь тогда, когда обер – лейтенант Крамер бил меня ладонями по щекам, приводя в чувства.

–Очнись студент! Очнись,–говорил он, растирая снегом разбитое в кровь лицо. После порции нашатыря, который мне подсунули под нос, я вернулся к жизни. Размытое изображение стало набирать резкость, и наконец–то я вернулся в реальный мир.

Голова ужасно болела. Придя в чувство, я осмотрел на место боя. Ничего необычного не было –война есть война. Но то, что я увидел, надолго врежется в мою память и будет напоминать мне все годы моей жизни.

Среди окровавленного снега в неестественных позах лежали тела семи убитых человек. Было видно - русские дрались до последнего. И до последнего умирали на этом холодном ледяном поле брани, как настоящие солдаты. Больше всего мое сознание поразила картина, которая застынет в мо-

ей памяти образом истинной воинской доблести. Пробитый кинжалом русский солдат, в самый последний момент жизни, успел вцепиться зубами в глотку обер-ефрейтора Мартина Лидке. Из последних сил, он словно дикий зверь, перегрыз ему горло. Все лицо большевика было в крови. Так и лежали они, обнявшись, словно братья. Побратимы войной – они в тот миг перестали быть врагами, разделив на льду Двины, славой и подвигом нелегкую солдатскую судьбу. Был ли Бог в их сердцах, и с какой верой они приняли смерть, было мне тогда неизвестно.

Обер-лейтенант Крамер, качаясь от усталости, присел рядом. Он приказал собрать жетоны, оружие и личные вещи наших парней. Меня бил жуткий озноб. Руки и все тело тряслось не от холода, а от нервного напряжения. Голова кружилась, а лицо заплывало огромной гематомой, которая скрыла мой глаз. Крамер спросил меня:

–Ты малыш, наделал в штаны? С дебютом тебя, ты убил своего первого русского. Ты видел это...

Сквозь гул в ушах, не понимая его голоса, я одним глазом смотрел на командира, но почему-то снова и снова видел, как русский вгрызается в горло Лидке.

–Лидке! Мартин Лидке! Он умер страшной смертью. Я видел своими глазами. Русский, схватил его зубами за глотку. Он вырвал ему кадык, но я ничего не смог сделать! Я не мог ему помочь...

Постепенно слух начал возвращаться, и я отчетливо услы-

шал, как совсем рядом плачет Шнайдер. Он ползал по снегу и красными от крови руками что-то искал.

—Мы никогда не сможем победить этих русских, —верещал он.

—Что ты ищешь,—спросил обер-лейтенант Крамер, наблюдая за бойцом, потерявший разум.

—Часы! Часы! Отец подарил мне дорогие швейцарские часы. Что я скажу ему, когда вернусь домой.

—Петерсен, смотри на идиота. Он думает, вернуться домой с часами. Он думает, что он выживет в этой мясорубке. Иваны умирая, рвут нам глотки! Это какое-то безумие! Мой разум не в состоянии переварить,—сказал Крамер.

Я обтер от крови снегом лицо и слегка пришел в себя. Я мог видеть только один глазом. Мне приходилось прикладывать снег к лицу, чтобы хоть как-то приостановит рост опухоли.

—Что свинопасы, наложили в штаны? Пятнадцать гаденышей не смогли справиться с семью русскими — позор! Пять минут даю вам, чтобы привести себя в порядок,—сказал обер-лейтенант. —Убитых похоронить...

—И, русских тоже,—спросил ехидно пулеметчик Альфред Винер.

—И, русских тоже,—ответил Крамер, сплевывая сгустки крови. —Они более достойны того, чтобы со всеми почестями быть преданными земле. Это настоящие воины, а вы — стадо жирных свиней.

—Господин обер—лейтенант, я русских хоронить не буду. Пусть их хоронят большевики,—сказал снова Винер и закурил.—Земля господин обер—лейтенант, промерзла на два метра. Мы будем рыть её до самой весны.

Камрады молчали. Ни кто не проронил, ни слова. Каждый понимал, что война с русскими это не прогулки по Елисейским полям в Париже. Мы должны были это принять эту реальность и жить теперь с ней дальше, ощущая спинным мозгом, что и наша солдатская судьба может в любой миг быть не менее трагичной, чем у Мартина.

У меня до тошноты болела голова. При виде изобилия крови на льду, я не выдержал, и меня вырвало. Организм отверг утренний завтрак, подсказывая мне, что сотрясение мозга это уже боевое ранение. Несколько минут меня рвало, как проклятого. Я не мог подняться даже с колен. Тело настолько ослабло, что я упал и потерял сознание. Что было дальше —я не помнил.

Очнулся я тогда, когда Крамер с камрадами уже стучали в дверь ближайшей русской хаты, распугивая всех жителей деревни.

Нам открыла пожилая женщина. Крамер оттолкнул её в сторону и проходя в дом, по—русски её спросил:

—Кто еще есть дома?

—Дед на печи,— ответила она, прикрываясь накинутым пуховым платком.

—Матка, у нас раненый солдат. Ему нужна помощь и теп-

лая постель.

Камрады внесли меня в дом. Не снимая верхней одежды, положили на кровать.

—Манц, станцию на связь,—приказал Крамер.

Обер-ефрейтор Густав Манц, развернул радиостанцию, и уже через минуту в штаб дивизии полетела радиограмма.

«Нахожусь южнее деревни Козье. Потери – три человека. Двое убитых, один ранен. Нуждается в срочной эвакуации. Ждем прикрытие –Крамер».

Обер-лейтенант достал две банки консервов, кусок хлеба, шпик и положил это перед бабкой на стол.

—Уходим. Через пару часов его заберут. На льду лежат русские и немецкие солдаты их надо похоронить. Немцев отдельно. Через два дня мы вернемся. Я проверю, как будет выполнен мой приказ. Если вы не похороните убитых, мы расстреляем в деревне каждого пятого,—спокойно сказал Крамер.

Камрады ушли, оставив меня один на один со старухой и её дремучим бородатым дедом.

Несколько раз я приходил в себя, стараясь, восстановить в памяти первую рукопашную схватку, но каждый раз мои воспоминания обрывались, на одном и том же эпизоде.

Лежа в кровати, я вспоминал, как за день до вылазки Мартин Лидке получил из дома письмо. Он хотел после победы вернуться к своей семье в красивейший и уютный Целле. Я представил, с каким ужасом жена и его дети узнают, о том,

как он погиб. Как этот дикий русский в рукопашном бою перекусил ему горло зубами. Для семьи это будет настоящим шоком. Мертвым уже все равно, ибо душа его прибывает на пути к Богу.

Такое происшествие с группой было впервые. Потерять за неделю пятерых сразу убитых и меня раненого, это было уже много. Вернувшись на базу, обер-лейтенант Крамер, вновь ударился в запой.

Возможно, это было совпадение, а возможно и запланированное мероприятие. Блокада была прорвана только в марте. Бригада генерал-майора Клауса Мюллер - Бюлова разорвала большевистское кольцо извне и победоносно вошла в разрушенный город. Благодаря работе комендатуры улицы города с помощью местного населения приводились в порядок. Нам казалось, что мы пришли на эту землю навсегда, и должны были показать этим русским, что такое немецкая культура и наш европейский уровень жизни.

После изматывающей блокады, наш разведывательный отряд был отведен на отдых в тыл на целый месяц. Месяц без войны, без разрывов снарядов и бомб в то время казался настоящим тыловым раем. Хорошее питание, чистые простыни и отсутствие нервного напряжения в короткий срок вернули нас к жизни.

Обер-лейтенанту за пленение большевицкого майора, было присвоили очередное звание капитан. Он был награжден «Железным крестом» второй степени. Как обещал Крамер,

я тоже тогда был представлен к медали за зимнюю кампанию и к почетному нагрудному знаку «За атаку».

Отдых в тылу в то время казался настоящей сказкой. В обществе хорошеньких сестричек, словно боевые псы, мы зализывали раны, чтобы уже совсем скоро вновь оказаться на передовой.

За время пребывания в лазарете, я еще больше сдружился с капитаном Крамером. Он стал одним из почитателей моего таланта и на этом делал свой маленький гешефт. В минуты отдыха он позировал, а рисунки раздаривал сестрам милосердия. За это он получал не только безмерную любовь, но и приятные подарки вином и шнапом. Всякий раз, отправляясь на прогулку по городу, он выписывал мне увольнительную в полковой бордель. Крамер брал меня с собой. Я своими глазами должен был видеть то, о чем мне суждено было изобразить на холсте.

ГЛАВА ПЯТАЯ

АННА

По закону подлости, время в тылу пролетало быстрее, чем на передовой. В один из дней, получив денежное довольствие, капитан Крамер решил взять меня с собой в Витебск. Там в свое время творил известный художник Марк Шагал, который после революции в России переехал в Париж, а в сорок первом году бежал в Америку, опасаясь нацистов. Мы

уселись в грузовик вместе с саперным отделением, и уже через час въехали в мрачный и разбитый войной город. Тогда перед моими глазами предстала ужасная картина. Город, словно огромный призрак, лежал в руинах. Черные пустые глазницы обгорелых окон, битый красный кирпич, разрушенные стены домов создавали поистине удручающее впечатление. Удивляло огромное количество гражданских людей и даже русских казаков вооруженных саблями. Они дефилировали по городу кто в поисках работы, а кто приключений. Казаки никого не боялись и даже иногда дрались с немецкими офицерами заявляя свои права на офицерские бордели.

Я шел рядом с капитаном, вращая головой по сторонам, словно филин, стараясь запомнить каждую деталь, каждую мелочь, чтобы в конце этого страшного жизненного пути поведать об этом детям и внукам, как обещал командиру.

—Смотри студент, это когда-то был прекрасный город! Еще осенью тут было намного лучше, оставалось много целых домов, а сейчас сплошь одни руины! Большевики со своей авиацией, тоже постарались на славу. Надо двигать к вокзалу, это самое людное место. Ты как на счет перекусить и выпить хорошего пива?

—С огромным удовольствием господин капитан.

—Ну, тогда нам стоит найти фронтовой кабачок,—ответил Крамер.—Ты любишь колбаски с пивом, обер-ефрейтор Кристиан Петерсен!?

—Вы спрашиваете, господин капитан! Если кто из немцев не любит баварских сосисок —значит он не немец. Я сейчас не только могу съесть колбаски но и целого быка, зажаренного на углях.

—Ты сейчас произнес крылатую фразу Кристиан. Я запомню её и расскажу нашим парням, когда мы будем в тылу у русских доедать последний русский сухарь и кожаную комиссарскую португую.

—О боже, господин капитан, мне так хочется, чтобы эта чертова война закончилась уже завтра. Мне нужно получить диплом об окончании высшей веймарской индустриальной школы.

—А ты вспомни что ты обещал нашим парням, когда мы прорвем блокаду?

На какое-то мгновение я задумался, стараясь припомнить, что же такого я обещал камрадам, что сейчас не могу воспроизвести это в своей памяти.

—Не могу вспомнить, господин капитан. После последней рукопашной, я многое забыл, когда мне «иван» прикладом автомата отбил часть мозга.

—А я помню! Ты еще там, в подвале мечтал расстаться со своим целомудрием?! Жаль, что с нами нет Уве. Он бы тебя обязательно повел по нашим тыловым борделям. Он, за время блокады, скопил тридцать шесть талонов на посещение. Уве был любитель бабских тел, —сказал капитан, выискивая глазами какое —нибудь увеселительное заведение.

—Господин капитан —псы пожаловали!

Капитан обернулся. К нам подошел патруль фельджандармерии. За горжету, висящую, на цепи солдаты их называли этих парней «цепными псами». Это была военная полиция местного гарнизона. Эти подразделения редко участвовали в боях, а занимались организацией порядка, отловом дезертиров да возмутителей прифронтового спокойствия. Обер — фельдфебель с красной сальной физиономией отдал честь и спросил:

—Господин капитан, разрешите взглянуть ваши документы.

Его наглые глаза, его ехидное и неприятное лицо выдавали в нем ярого служаку, отрабатывающего свой статус. Вероятно, что до войны он в Баварии владел, свиной фермой, и лишь деньги да хорошие связи в обществе нацистов подарили ему счастливую сытую службу вдали от линии фронта. Его поросычьи глазки всматривались в капитана Крамера в надежде выявить в нем нарушителя немецкого порядка. Расстегнув шинель, капитан, доставая портмоне, как бы невзначай показал тыловому служаке свой «Железный крест». Протягивая документы, Крамер продолжал разглядывать улицу, выискивая, то ли злачное место, то ли местную шлюху.

—Господин капитан, а этот солдат с вами? —спросил обер — фельдфебель, показывая на меня кивком головы.

—А разве он похож на дезертира, —спросил Крамер, заку-

ривая сигарету. —Это мой солдат, из войсковой разведки. Вот его увольнительная, можете взглянуть!

—Цель вашего визита в Витебск!? —спросил обер —фельдфебель, возвращая документы.

—Наш полк господин обер — фельдфебель, отведен от линии фронта в населенный пункт Яновичи на пополнение и ротацию. Согласно приказа командира восемьдесят третьей дивизии генерала Зиценгера, дивизионная полевая разведка имеет право свободного перемещения на всей подконтрольной нами территории. Вы, господин обер — фельдфебель, лучше бы подсказали боевому капитану, где нам в этот час найти достойное место, чтобы выпить пива да отведать баварских колбасок. Три месяца в блокаде у русских —это вам не прогулка по набережной Круазет. Только за то что мы живы, фюрер, уже должен поить нас пивом и угощать сочными сосисками до самого конца нашей жизни.

—О, так вы, парни вырвались из окружения?!—сказал жандарм, возвращая документы.

—Так точно обер — фельдфебель, —произнес капитан. Он спрятал портмоне во внутренний карман шинели и улыбнулся.

—Ну, тогда парни вам в комендатуру,—спокойно сказал жандарм.

После его слов мои коленки слегка дрогнули. Я не боялся так шальных русских, как опасался нашей полевой жандармерии. Эти парни порой перегибали палку, и им почему—то

это всегда сходило с рук.

—Если вы хотите выпить пива в этом камрады, нет проблем! Вон там, на том перекрестке повернете направо и возле здания комендатуры увидите кинотеатр «Триумф». Через два дома от кинотеатра стоит прекрасный кабачок. Там всегда свежее пиво из Германии и отменные баварские колбаски —сказал фельдфебель. —Хайль! Счастливого вам отдохнуть, господин капитан! —сказал старший патруля.

Жандармы вальяжно направились дальше, оставив нас в гордом одиночестве.

—Ну что, Кристиан, погуляем, как гуляют «Иваны» после зарплаты!? Я получил расчет почти тысячу триста марок за нашу зимнюю кампанию. Вот тут мы и сможем тряхнуть наши тугие кошельки. Живем —то всего один раз!

—Так точно, господин капитан. У меня тоже неплохой улов, надо купить что—то матери.

—Кристиан, дружище —сегодня угощаю я! Я ведь твой командир! Вот когда мы войдем в Москву, я тогда и разрешу тебе напоить меня русской водкой. Я знаю в Москве один чудный ресторанчик под названием «Метрополь». До войны я несколько раз бывал в нем, когда дедушка Сталин еще не так был зол на свой народ. Хотя —хотя это уже в прошлом.

—Действительно так все было плохо,—спросил я, стараясь представить.

—Да, точно так же —как сейчас в Германии. То, что происходит с нашей страной —это зеркальное отражение того, что

уже было у «Иванов» еще пять лет тому назад.

—Я не знаю —нас не учили этому в школе, —ответил я, вспоминая курс школьной истории.

—Вот представь себе: у нашей семьи было свое дело. Наш род Крамеров воспитал отменных маркшейдеров. Ты знаешь, кто такие маркшейдеры!?! —спросил капитан.

—Это какие-то проходчики под землей?

—Да, это специалисты по проходке. Они ориентируют шахты в угольных пластах. Так вот, при царе Николае —II колонисты жили очень прилично. С приходом большевиков все в этой стране покатилося в тартарары. Красные, белые, анархисты, кадеты все перемешались в этом мире. Убивали друг друга! Ленин уже в те времена продан нам за триста миллионов марок. Вот на эти деньги он то и вверг в бойню целую страну. Брат убивал брата, сын убивал отца. Эти времена были для России апокалипсисом. Наш фюрер, вероятно, думал, что, войдя в Россию, солдат вермахта будут встречать хлебом —солью. Нет, студент, русские это русские. Им все равно, кто придет их освобождать от Сталина и советов. Они не захотят освободиться —они будут драться до последнего солдата.

—Я уже понял, господин капитан! Русские дерутся, как звери. Я один раз видел, как они шли в атаку —это было в начале войны. Я до сих пор не могу спокойно спать. С каждым днем у них появляется все больше и больше нового оружия. Я чувствую, мы хлебнем горя в этой бойне —это уж точно, —

сказал я, философски размышляя.

—А ты, мой юный друг, смекалист. У вас, что в Ордруфе все такие!?

—Не все, но одаренных много,—сказал я, намекая на то, что в этом оркестре я играю первую скрипку.

Наш разговор перебил лай собак и странное шуршание. Я обернулся на звук. По улице страшной серой колонной тянулись русские военнопленные. Их глаза от усталости ввалились в черные глазницы, а лица поросли многомесячной щетиной. Было видно, что пленных «Иванов» гонят к вокзалу. Вдоль дороги мы видели русских женщин, которые протягивали пленным хлеб, шпик и молоко. Жандармы, конвоирующие пленных, не вмешивались, подачки со стороны местного населения, частично снимали проблему их питания для наших интендантов.

—Смотри студент, это те brave парни которые в течение двух месяцев не давали нам покоя. Теперь они будут искупать свою вину, и работать на Великую Германию. Хотя я знаю русских. Мне кажется, что славяне в неволе работать не будут. Среди них обязательно появятся комиссары, которые даже в плену будут мутить воду и призывать к бунту.

—Господин капитан, я много раз слышал, про комиссаров, а что это за люди такие! —спросил тогда я, глядя на удаляющуюся колонну пленных.

В тот момент я вдруг представил, что будет со мной, если я попаду в плен. Что будет ждать меня в русском плену!?

Избиения и голод, холод и непосильный каторжный труд? Я смотрел на пленных русских и чувствовал, что в моей душе появился какой-то осадок.

— Не бери в голову! Пленные Кристиан — это есть результат военных действий. Чем больше пленных, тем больше работы они смогут исполнить, чтобы выжить.

Ну что, студент, нам пор опрокинуть по штофу русского шнапса!? — спросил капитан.

— Так точно — ответил я, стараясь стереть из памяти эти лица людей, которых война обрела на такие страдания.

Стеклянные, узорчатые двери фронтового кабака открылись, и в одно мгновение в нос ударил терпкий запах сигарного дыма. В ресторане на сцене в свете софитов танцевали русские девушки которые под музыку махали ногами одетыми в черные шелковые чулки. За столиками в свете горящих электрических свечей, утопая в сигарном дыму, сидели военные всех родов войск. Они отдыхали после боев и тыловой службы. Это был офицерский ресторанчик. Рядовых солдат сюда не пускали и я чувствовал себя не в своей тарелке.

— Эй, солдат, — крикнул один из офицеров. — Тебе, не кажется, что ты, немного заблудился? Ваш вонючий притон, находится рядом за углом.

Я застыл в каком-то непонимании и смотрел на Крамера. Тот искал место за столиком. Услышав пьяный окрик в мой адрес, капитан подошел к офицеру и вежливо сказал:

— Вам обер — лейтенант, должно быть стыдно. Это не про-

стой обер–ефрейтор, а возможно будущий фельдмаршал. Сегодня я командую солдатом, а завтра –завтра этот солдат будет командовать мной. Ведь судьба так непредсказуема – не правда ли лейтенант?! Неделю назад в рейде по тылам русских, этот герой спас мне жизнь. Поэтому он будет сидеть со мной за одним столом. Я командир разведывательной группы капитан Крамер –хочу этого. Вам теперь понятно обер – лейтенант?!

–Это заведение для офицеров, –сказал штабник, настаивая на своем. В зале наступила тишина, и все присутствующие, повернулись в сторону Крамера, желая видеть развязку этой истории.

–Этот обер –ефрейтор представлен к званию унтер –офицера, поэтому согласно укладу Вермахта, он имеет право, находится в офицерском клубе,–сказал капитан, и выдвинув стул, сказал:

–Приказываю сесть!

–Есть, –ответил я, и грохнулся на стул, словно подкошенный вражеской пулей. Приказ есть приказ. Офицеры засмеялись, увидев мою реакцию. Я стал внимательно оглядывать окружающую меня публику. Подвыпившие летчики спорили о своем, и все еще продолжали летать, махая руками и кружась вокруг своего столика. Через минуту к нашему столу подошел русский кельнер. Его красная рубаха в мелкий горох с косым воротом и хромовые сапоги начищенные до зеркального блеска, подчеркивали в нем национальную сущ-

ность истинного славянина. Белоснежное полотенце, перекинутое через руку, еще более выявляло загадочный традиционный русский стиль. Он хитро улыбнулся и на ужасном немецком, спросил:

—Чего изволят господа?

Крамер, осмотрев с ног до головы кельнера, ответил ему на чистейшем русском:

—Давай—ка голубчик, нам для начала, графинчик «Московской», два пива, картофель и баварских колбасок с кислой горчицей. Да пошевеливайся мы голодны!

Немецкий капитан со знанием русского языка у кельнера вызвал неподдельное удивление. Несколько секунд он стоял, открыв рот, и не моргая, смотрел на Крамера.

—Ну что ты халдей, уставился? Ты, ни разу не видел немецкого капитана, говорящего по —русски или ты думаешь, я шпион Сталина? —спросил Крамер.

—Господин офицер, с таким знанием русского языка у нас еще посетителей не было! Я сейчас, сию минуту, —сказал кельнер, и в мгновение ока удалился.

Уже через минуту он вышел из подсобного помещения, держа в руке большой блестящий поднос. На нем под белоснежным покрывалом стоял хрустальный графин с водкой и два хрустальных бокала.

—Пожалуйста! —говорил он, расставляя на стол старинный хрусталь из запасов прошлой еще дореволюционной России.

Мне показалось тогда, что русскому был интересен мой

командир, от того он смотрел на него не так как на других офицеров.

—Приятного аппетита! —сказал он, и вновь исчез, чтобы не вызывать недовольство капитана.

—Вот так вот студент, некоторые русские тоже не спешат умирать на поле боя. Этот неплохо устроился кельнером! Я думаю, что после нашей победы, многие «Иваны» попробуют пройти натурализацию и раствориться в нашей культуре, как сахар в чашке кофе. Капитан, разлив по бокалам водку, чокнулся со мной, улыбаясь от удовольствия.

—За то, чтобы мы с тобой, остались живы! Цум воль!

—Так точно, господин капитан! Цум воль!

Крамер открыв рот по-русски заглотил шнапс. Он крикнул от удовольствия и занюхал водку куском черного хлеба, который он подсоллил, перед тем как закусить. Впервые за эти два месяца моего пребывания в разведывательном эскадроне мне довелось пить с командиром шнапс за одним столом. Для многих офицеров вермахта это могло показаться невиданной дерзостью, но капитан Крамер был другим человеком, и это отличало его от истинных арийцев, родившихся в Германии. Он откинулся на стуле, и расстегнув пару пуговиц мундира украшенного «Железным крестом», блаженно закурил. Следовать его примеру я не хотел. Я слегка отпил из штофа отменный русский шнапс и поставив рюмку на стол. Мне не было нужды напиваться. Я просто хотел отдохнуть и вкусно поесть.

—Боишься нализаться студент,—спросил меня капитан. — Ты прав, так водку пьют только русские. Самое главное, что объем посуды для них абсолютно не имеет значения. Сколько не нальешь, столько они и выпьют, —сказал капитан, подавая мне пример.

—Да наши камрады иногда рассказывают друг другу байки про то, как пьют русские, но мне все равно. Я не сторонник алкоголя. Я сторонник трезвого образа жизни.

—Дай бог, нам выжить в этой войне и тогда у нас появится повод напиться так, как напиваются русские —до визга свиньи.

Мое внимание в тот момент привлек пьяный взгляд одного майора—танкиста. Его обожженное лицо с красным шрамом, пересекающим его наискосок, тупо уставилось на капитана Крамера. После того, как капитан выпил вторую рюмку водки лицо танкиста постепенно стало наливаться кровью. Он встал, и держа в руках бутылку с французским коньяком, подошел к нам. Все это время он смотрел на Крамер, как будто хотел его загипнотизировать.

—Черт побери—сказал он, —я впервые встречаю русского шпиона! Ты кто такой,—спросил танкист, подсаживаясь к нашему столу.

—Я, немецкий офицер, капитан Крамер! —сказал он.—Если вы господин майор, слегка перебрали то постарайтесь вести себя достойно, как предписывает уклад офицеру Вермахта.

—Нет, мне просто интересно,—ответил майор. —Можно мне

посидеть с вами парни?

–Присаживайтесь,–сказал Крамер.

–Простите господин капитан, но вы имеете удовольствие, пить шнапс, как это делают большевики. Я много их видел на своем веку. Там под Вязьмой, когда горел мой танк.

Внезапно увидев «Железный крест» на груди Крамера, майор поперхнулся. Осоловелым взглядом он осмотрел Крамера с ног до головы, и спросил:

–За что вы, господин капитан, получили свой крест!?

–За сбор винограда на плантациях Фландрии, –ответил спокойно Крамер, и вновь налил себе и мне водки. Глядя в глаза майору он вновь одним махом осушил штоф до самого дна.

-Шутишь...

-Про мертвый город слышал,- спросил Крамер

В то время благодаря дивизионной газете «Panzerfaust» и военному корреспонденту капитану Кауфману, многие солдаты и офицеры узнали о подвиге немецких солдат двести пятой и восемьдесят третьей дивизий, которые доблестно сражались в окруженном большевиками Велиже.

Танкист, протянув Крамеру руку, сказал:

–Прости капитан, я сегодня чертовски надрался! Я слышал, про эту блокаду. Этот Питер Кауфман –писака из армейской газеты навел жути на весь Вермахт. Был бы я фюрер, я бы вам парни всем бы дал по «Железному кресту». Вы настоящие герои! Вы не такие, как эти сучьи «макарон-

ники», которые под Москвой бежали только от одного вида большевиков на лыжах.

—Да, господин майор, мы хапнули горя, сказал Крамер.

—Давай с тобой выпьем капитан,—сказал танкист, и налил в рюмки коньяк. —Да, вы настоящие солдаты Великой Германии! —сказал он, чуть не плача.

Крамер взглянул на офицера и тихо сказал, ковыряясь вилкой в тарелке с жареным картофелем:

—Да, господин майор, мы почти все получили кресты, только у одних они железные, а у других березовые. От шеститысячного гарнизона за три месяца русской зимы в живых осталось чуть более двух тысяч солдат.

Майор поднял рюмку и отхлебнув из неё, тихо сказал:

—Мы капитан, в этой чертовой России все получим по березовому кресту. Все! До одного! Помяни мое слово капитан! Всем, всем, всем по березовому кресту!!! —заорал танкист и шатаясь, пошел к своему столу за которым, вероятно, сидели его соратники.

Они были наготове, чтобы в случае приступа его необдуманного буйства утихомирить танкиста.

Когда пьяный майор ушел, до меня дошел смысл, сказанных им слов. Он был прав. Вероятно, что уже многие офицеры и солдаты стали задумываться о перспективности этой восточной кампании. Но присяга, принятая на верность Германии и фюреру, идеалам национал-социалистической партии еще вдохновляла нас на бессмысленные подвиги вдаль

от своего дома.

—Видал, студент, как людей война меняет? Он в каждом человеке теперь видит врага. Если мы проиграем эту великую битву, то благодаря таким, как этот майор! Безмозглый идиот! —сказал капитан, слегка разозлившись. —Он пал духом, а значит, уже обречен!

Впервые очутившись в столь публичном месте, я старался приглядеться и сориентироваться, чтобы со стороны не выглядеть белой вороной. Ведь в этом прифронтовом кабаке я был единственным обер-фельдфебелем среди офицеров. Здесь вдали от линии фронта было уютно и тихо, и эта тишина слегка расслабляла мой уставший от войны организм.

Утолив голод, капитан Крамер расслабился. Задумавшись, он уперся глазами в сторону сцены. Там при свете софитов скакали русские фроляйн, развлекая нас своими тугими ляжками одетыми в ажурные шелковые чулки. Я тогда совсем не думал о том, что придет то время, и они будут расстреляны и сосланы в лагерь, только за то, что они просто хотели жить. Их нежная кожа в условиях сибирского мороза увянет, и они смогут вернуться домой только тогда, когда последний пленный немецкий солдат покинет эти бескрайние российские просторы. Сколько жизней, сколько людских судеб искалечит эта война, я даже не мог себе представить.

—Ну что раскис, Кристиан!? —спросил капитан, глядя на меня. —Ты хочешь русскую девку? Ты, же мечтал стать настоящим мужчиной!

—Я, господин капитан, просто задумался, —ответил я, от выпитого шнапса мне было удивительно приятно и хорошо.

—Я вижу, ты на русских баб засмотрелся!?! —спросил капитан с издевкой. —Может ты, мечтаешь о том, как бы залезть к какой-нибудь славянке в трусы?

—Признаться честно, я бы не прочь порадовать своего «друга».

—Что не прочь солдат, а ну отвечай, как положено по формюляру.

—Я бы не прочь господин капитан, разгрузить «пороховые погреба»!

—Вот, Кристиан — ответ достойный немецкого солдата! Сейчас мы это дело поправим, —сказал Крамер, подзывая кельнера.

Кельнер подошел к нашему столику и что-то спросил по-русски. Капитан, поглядывая на меня, стал что-то говорить «Ивану». Тот, улыбаясь, кивал головой и когда капитан, достав пятьдесят рейхсмарок, протянул их русскому, тот стал, широко улыбаясь, раскланиваться.

—Ну что, студент, готовься. Сейчас у тебя будет первая русская фрау, которая сможет из тебя сделать настоящего мужчину. Там в номерах, ты можешь делать с ней, что хочешь, это мой подарок тебе на день твоего возмужания.

—Я, боюсь господин капитан, —сказал я, не представляя, как это я буду заниматься любовью, если ни разу не делал этого.

Глаза капитана Крамера округлились и он, улыбаясь, сказал:

—Кристиан, ты, когда бросался на большевиков с ножом, ты ведь не боялся!?

—Не боялся, господин капитан! Но ведь там был враг. А здесь офицерский ресторан, а не полковой бордель. Я боюсь, что господа офицеры будут против моего взросления...

—Ты прав! Здесь не полковой бордель выходного дня за три рейхсмарки. Здесь нет маркитанток. Здесь любовью занимается тот, кто имеет деньги —сказал капитан, прищурив глаза.

—А вдруг, у меня ничего не получится!?

—Иди за кельнером. Он тебе покажет куда .—сказал Крамер и налив себе рюмку водки одним махом её выпил.

От слов сказанных Крамером по моему горлу прокатился ком.

—Я приказываю взять себя в руки солдат! Ты, еще нужен Великой Германии и фюреру! —сказал с сарказмом капитан.

—Есть, —сказал я, и направился исполнять приказ командира.

В ту самую минуту, подогретый алкоголем, я был готов за-тащить в постель даже гремучую змею. Мне было все равно, лишь бы быстрее избавиться от повода для насмешек со стороны моих камрадов по оружию. Почувствовав себя львом, я встал из-за стола, и пошел, за кельнером

Вдруг из двери которая была задрапирована красным бар-

хатом, вышла жгучая блондинка лет тридцати. Её роскошный бюст слегка прикрывало кружевное одеяние, и он выпирал вверх двумя объемными буграми. Она, улыбаясь, курила сигарету, вставленную в длинный мундштук.

—Пошли в номера, мой цыпленочек,—сказала она мне по-немецки.

Вероятно, что эти слова были заученной фразой, чтобы привлечь клиентов из числа немецких офицеров. Я глядел на неё, а мое сердце было готово выскочить из груди от страха. Раньше я и в мыслях не представлял первый контакт с женщиной. Нет, я как все юноши репродуктивного возраста представлял, что и как делается. Мне иногда даже снились сны с обильными поллюциями но реальность была более прозаична.

Мою первую женщину звали Анной.

Анна, (с её слов) принадлежала к зажиточному и знатному роду, который еще в двадцатых годах раскулачили коммунисты. Я с трудом понимал отдельные фразы, которые она старалась ввязать в немецкую речь. Слегка пощипывая меня за ягодицы, Анна повела меня на второй этаж, где в гостиничных номерах располагались апартаменты, специально предназначенные для интимных дел с офицерским составом.

Комната для свидания была украшена в стиле парижских борделей. Красные обои сочетались с красными бархатными шторами. Бронзовые канделябры с горящими свечами создавали интимное настроение. Посреди комнаты стояла дву-

спальная кровать с хромированными спинками.

Войдя в комнату, Анна сразу же упала на кровать, изыскано держа в руках длинный мундштук с горящей сигаретой. Откинув халатик, она обнажила ногу до самых нежно розовых трусиков с белыми рюшечками. Опешив от увиденного великолепия, я моментально превратился в стоячий фаллос. Окаменев, я трясущимися пальцами старался расстегнуть пуговицы моего армейского френча. Анна, легла на кровать, закинув шелковый пеньюар выше своих колен. Она наблюдала за моими действиями и улыбалась, как бы иронизируя, над моими действиями.

Наконец –то я расстегнул френч, и аккуратно повесил его на спинку, стоящего стула. Скинув с плеч подтяжки я более уверенно стянул с себя тяжелые армейские сапоги и галифе. С каждой минутой я становился, более агрессивен, ведь и ко мне возвращался азарт первого боя. Страх и робость постепенно уходили и я предпринял попытку овладеть её телом.

Наступил тот миг, когда я предстал перед ней в своем обнаженном облики. Анна, видя мои нелепые телодвижения, обняла меня и прижалась к моей щеке роскошным бюстом. Её теплые губы коснулись моей щеки. В эту минуту я почувствовал, как страстно желаю эту женщину. Её рука коснулась моего «приятеля» и я чуть не «выстрелил» и этого орудия еще до начала любовных утех.

Девка, насладившись созерцанием моего хилого и потрепанного войной организма, впиалась в мой орган, словно бо-

лотная пиявка. Её руки были настолько виртуозны в этих делах, что у меня сперло дух. Она гордо и страстно держала дуло моей «гаубицы», словно древко полкового штандарта. От её ласковых прикосновений я впервые ощутил то, что ощущал в минуты отдыха только в эротических сновидениях. В долю секунды я, еще не войдя в её тело, освободил себя от накопившегося во мне семени.

—О, мой мальчик, ты просто неудержим, — сказала Анна по-немецки.

В ту минуту мне было почему-то стыдно. Мокрое пятно на белой простыни неприятной холодной сыростью коснулось моей кожи.

Шлюха, профессионально делала свое дело, и уже через несколько минут её ласк я очутился внутри Анны. Я ощущал её внутреннее тепло, её нежность, с которой она шевелила бедрами и эти телодвижения сводили меня с ума. Придерживая себя за грудь, она щипала себя за соски и приподнималась на мне, давая моему органу двигаться навстречу. Распластавшись, я лежал, как убитый воин на широком поле брани отдавшись во власть этой великой женщины. В те минуты я забыл о том, что за стенами этого дома идет война. Забыл о тысячах убитых и раненых, забыл о своем капитане, который остался в кабаке, один на один с графином водки да с тем сумасшедшим майором из танковой дивизии «Мертвая голова».

В те минуты мне действительно было очень хорошо, и я

был благодарен своей судьбе за этот случившийся факт. Да, действительно в случае своей смерти моя душа никогда бы не смогла простить моему телу то, что оно не познало всех радостей и того блаженства, которое может подарить настоящая женщина. Действительно, я в те минуты был необычайно счастлив. Да, несомненно — Уве, был прав! Радость и облегчение, которое дарят нам женщины, заслуживают поистине такого к ним внимания и любви. Вот почему древние мужи философы так благодетельствовали тех, кто носил великое имя — женщина.

Получив то, что я так долго хотел, я был на вершине блаженства. Я принял душ и одевшись, я спустился в зал. Мой командир за это время изрядно набрался. Капитан сидел в обнимку с танкистом, и они в унисон шептали какую-то песню из репертуара Марлен Дитрих. Слезы текли по их пьяным розам, и они были полушепотом.

Увидев эту картину, я остолбенел и незаметно присел за столик, чтобы не гневить командира пребывавшего в меланхолии.

Da sagten wir auf Wiedersehen .
Wie gerne wollt ich mit dir geh'n
Mit dir Lili Marleen.
Mit dir Lili Marleen.

В те минуты мои видения и предчувствия стали пророческими. Пройдет всего год и русские, научатся воевать. В мае 1945 они войдут в Берлин, и поставят там заключитель-

ную точку в этой проклятой войне. Пьяные обреченные на поражение офицеры и генералы сдадут свои армии в плен, после чего отправятся прямым ходом в Сибирь –пилить лес и восстанавливать те города и заводы, которые они уничтожили.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СТАВКА

Фюрер стоял в раздумье возле окна, всматриваясь в глубину соснового бора, окружающего ставку. Он держал руки за спиной и о чем-то думал.

Не оборачиваясь, он сказал:

–Вильгельм, – обратился он к адмиралу Канарису,–под вашим началом на данный момент находится целая дивизия Бранденбург–800. Мне хотелось бы знать, чем сыны Великой Германии сейчас занимаются? Меня заботит нынешнее положение на Восточном фронте после зимы сорок первого года.

–Дивизия Бранденбург–800 согласно директиве штаба и ваших приказов мой фюрер задействована на всех фронтах. Нами создана целая сеть разведывательных центров.

–Учитывая промахи командования в группе армий «Центр», я предполагаю, в ближайшее время заменить командный состав за срыв наступлений на Москву. Я готов выслушать ваши мнения, господа! –обратился Гитлер к руководству Вермахта.

—Мой фюрер, в ходе операции Барбаросса, нами были допущены промахи в организации не только диверсионных мероприятий в тылу большевиков, но и срыв зимнего снабжения войск, ввязавшихся в затяжные бои перед столицей коммунистов,—сказал начальник штаба генерал —полковник Гальдер.

—Дорогой Франц, надо признаться честно, что Сталин нас переиграл. Мы утратили стратегическую наступательную инициативу и теперь должны зализывать раны, как бойцовые псы после жестокой схватки. Мы застряли перед русской столицей и теперь топчемся перед Москвой, словно мерин перед кобылой. Где наш напор?

—Согласно утвержденного плана, набирает обороты подготовка войск к летней наступательной операции. Танковая группа Гота по вашему приказу мой фюрер, передана группе «Север»,—сказал начальник штаба Франц Гальдер.

—Я хочу предположить внести изменения в план подготовки к летней наступательной операции мой фюрер, —сказал адмирал Канарис. —Нам необходимо в короткие сроки усилить сеть агентуры на восточном фронте. Тысячи диверсантов должны превратить тыловое обеспечение русских в систематический кошмар. На данный момент необходимо расширить сеть наших диверсионных учебных подразделений, как здесь в Германии так и на оккупированных территориях.

—Вот-вот, адмирал! —сказал фюрер, оборачиваясь к Канарису. —Ваше ведомство занимается агентурой, вам и под-

властно создание мобильных диверсионных подразделений, как в тылу наших войск, так и в прифронтовой полосе русских.

—Мой фюрер, по мере продвижения наших войск на Восток мы уже организовали несколько учебных центров. Подготовка диверсионных команд производится из числа военнопленных, присягнувших на верность великой Германии. Но, увы, их обучение не соответствует требованиям времени. Как только русские оказываются за линией фронта, семьдесят пять процентов, сдается органам НКВД. Мое предложение: продолжать набор в руководство диверсионными группами не из числа пленных, а из числа офицеров полевых разведывательных подразделений Вермахта. Прекрасное знание языка, культуры и повадок большевиков, делают из них наиболее дееспособных агентов или командиров инструкторского состава.

Гитлер опустил глаза в пол, прикусив большой палец. После недолгой паузы он взглянул на адмирала Канариса и сказал:

—Пожалуй, я подпишу этот приказ. Готовьте план мероприятий Вильгельм.

—Так точно, мой фюрер,— сказал адмирал Канарис, щелкнув каблуками офицерских туфель, —уже в ближайшее время полковник Редль доставит его вам на ознакомление.

В голове адмирала уже давно созрел план реорганизации его детища дивизии «Банденбург-800»

Транспортный самолет Ю-52 уже через час полета приземлился на аэродроме Темпельгоф. Адмирал, попрощавшись с экипажем, придерживая кортик рукой, спустился по стремянке бетонную полосу. Там, на летном поле его уже ожидала служебный «Мерседес-Бенца» 500 w 29. Адмирал Канарис сел в машину и тут же был «атакован» его любимыми таксами Зепплем и Сабиной, которых возил шофер навстречу с хозяином. Они визжали от радости, лезли на руки Вильгельму, надеясь получить свою долю брауншвейгской колбаски и хозяйской ласки.

—Господин адмирал, домой,—спросил шофер.

—Нет, Фриц —давай в Берлин,—сказал Канарис, и откинувшись на сиденье, погрузился в раздумье. Таксы, успокоились и свернувшись рядом калачиком, прижались к теплой фетровой шинели адмирала.

Ставка «Абвера» на улице Тирпиц-Уферштрассе 76 ничем не выделялась среди обычных столичных домов. Здесь была вотчина шефа разведки Вильгельм Канариса, и именно из этого здания он отдавал распоряжения парням дивизии Брандербург-800.

Черный «Мерседес» адмирала, въехал во внутренний двор. Канарис, взял любимых собачек на руки и поздоровавшись с дежурным офицером, прошел к себе в кабинет.

Он снял шинель, уселся на кожаный диван и откинул голову назад. Закрыв глаза, адмирал мысленно представил в своей голове текст приказа, который ему навязал фюрер.

Речь шла о реорганизации отдела «Вали». Таксы не покидали хозяина и расположились рядом на диване. Поглаживая их гладкую и чистую шерсть, он восстановил в памяти весь разговор с Гитлером. Денщик появившийся в дверях, привлек к себе внимание легким покашливанием.

Открыв глаза, Канарис, увидел перед собой ординарца. Тот держал в руках серебряный поднос с серебряным чайником и фарфоровой чашечкой.

—Ваш кофе, господин адмирал, —сказал ординарец, ставя поднос на столик.

—Макс у себя!?

—Так точно, полковник был у себя, а с вечера лег спать.

—Русские сегодня не бомбили Берлин? —спросил ординарца Канарис, зная, что большевики с союзниками иногда осыпают город огромным количеством бомб.

—Никак нет, господин адмирал, сегодня было на удивление тихо.

—Пригласите мне срочно полковника, мне нужно его видеть, —сказал Канарис, наливая себе кофе.

Эту процедуру он выполнял всегда сам, и это было известно ординарцу, поэтому он задерживаться не стал, а сразу же удалился из кабинета. Через несколько минут, в кабинет к адмиралу вошел полковник Макс Редль. Его безупречный, идеально отглаженный мундир, вызывал уважение к его обладателю. Ленточка за зимнюю кампанию. «Рыцарский крест» говорили о его былых подвигах на восточ-

ном фронте.

—Я рад вас видеть, Макс, —сказал Канарис, приглашая видавшего виды горного стрелка к столу.

Черная повязка на правом глазу из кожи и перчатка на левой руке говорили о том, что Редль, был ранен, но не ушел в отставку, а оставшись настоящим немецким воином. Потеряв руку и глаз на восточном фронте, он был признан медицинской комиссией негодным для службы на фронте. Но здесь в тылу, он служил в третьем отделе управления «Z» и подчинялся только адмиралу Канарису.

—Макс, у меня сегодня был напряженный разговор с фюрером. Он чертовски озабочен, положением нашей дивизии на восточном фронте. Гитлер поручил подготовить приказ о её реорганизации. Было решено на её базе, создать специальные подразделения —типа английских «коммандос».

—Наши парни господин адмирал лучше, чем британский коммандос,—сказал Редль,—я не вижу необходимости менять структуру диверсионных подразделений.

—Я тоже такого мнения, но фюрер считает, что эти парни должны быть машинами смерти и выполнять немислимые задачи по устранению командного состава врага и саботажу производства всех вооружений противника. Вы, Макс, подготовьте об этом приказ, я постараюсь дополнить его своими соображениями. Первое; на базе нашего учебного подразделения в Бранденбурге, предстоит разместить и подготовить показательный батальон. Из числа войсковой развед-

ки вермахта, необходимо отобрать лучших из лучших. Для подобного обучения на базе в «Бранденбург-800» необходимо создать специальное отделение «Курфюрст». Там мы и будем готовить новые десантно – диверсионные подразделения. Второе: уделять особое внимание знанию языков. Кандидаты должны знать не менее двух языков. Как сказал фюрер – приоритетом в выборе может быть только чисто арийское происхождение. Мы довольно уже хлебнули горя с этими славянами. Они спутали нам карты, и теперь явно ведут двойную игру. Восемьдесят процентов забрасываемых разведчиков и диверсантов сразу же сдаются в НКВД.

– Господин адмирал, колонисты из числа поволжских немцев могут стать отличным материалом для создания подобных диверсионных групп. Они очень злы на отца всех народов Сталина. У всех на памяти ссылка неблагонадежных в казахстанские степи.

– Макс, наши эксперты в этом разберутся, – сказал Канарис, – Третье: на оккупированной нами территории близ Смоленска, создать полевую разведывательно – диверсионную школу под патронажем офицеров отдела «Вали». После того, как Гитлер подпишет этот приказ, разослать его во все боевые части и роты. Необходимо уже в течение месяца разрешить все реорганизационные вопросы. Я поручаю вам, лично, взять на себя прием и отбор кандидатов.

– Я все понял, господин адмирал, разрешите идти?

– Да, Макс, предупредите Крюгера, чтобы он принес мне

еще кофе. Сегодня будет бессонная ночь. Мне придется самому проработать некоторые детали—сказал адмирал.

Щелкнув каблуками полковник Редль удалился. Он закрыл за собой тяжелые, дубовые двери, и в кабинете зазвела тишина.

Вильгельм уселся за стол и подперев голову руками устало взглянул на чернильный прибор, на котором сидели бронзовые фигурки трех обезьянок. Каждая из них несла определенный смысл: не вижу, не слышу и никому не скажу. Канарис пальцем погладил среднюю фигурку. В эту минуту в комнату вошел ординарец. Он щелкнул каблуками и подойдя к столу, поставил на него серебряный поднос с серебряным кофейником.

—Ваш кофе, господин адмирал!

—Ах, да! —будто от сна очнулся Канарис. Он налил себе в чашечку душистый напиток и сделал глоток. Положив перед собой лист бумаги и ручку, он взглянул на ординарца и сказал: —Крюгер, вы до утра абсолютно свободны!

Сделав еще глоток кофе, Канарис снял с ручки колпачок и задумавшись, вывел на бумаге: Приказ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР

В один из дней мая 1942 года, когда русские части были отброшены от города, в штаб девятой армии пришел приказ

из ставки. Начальник штаба полковник Кребс, тут же вызвал к себе командира разведывательного подразделения.

—Господин полковник, на основании приказа, подписанного фюрером, необходимо откомандировать в Бранденбург наших лучших разведчиков со знанием языка противника. Капитан Крамер, командир роты полевой разведки как кандидат подходит под условия выбора. Доведите до него приказ и в течение сорока восьми часов отправить в учебное учебный полк «Курфюрст».

—Он же единственный боевой офицер, кто в данный момент необходим на этом участке фронта.

—Полковник, исполняйте приказ фюрера. Группа армии «Центр» зарезервирована до особого распоряжения ставки и переведена в режим обороны. Фельдмаршал фон Бок снят и на его место командующим армией «Центр» назначен уже фельдмаршал фон Клюге. По сведениям ставки театр активных военных действий переносится на юг в направлении Кавказа и Каспийского моря. Девятая армия переходит к оборонительным мероприятиям.

—Разрешите исполнять? —сказал полковник и щелкнув каблуками удалился.

Сборы капитана Крамера на обучение были не долгими. Солдаты разведывательной роты поднимали здравницы, пожимали ему руки перед отъездом и передавали письма для родных и близких. Я в день убытия командира был вызван к начальнику штаба полка майору Брунке. Я вошел в штаб,

я тут же доложил дежурному офицеру о своем прибытии и сразу же был направлен по инстанции.

—Унтер —офицер Петерсен, согласно рапорта вашего командира капитана Крамера, вы, предаётесь ему в качестве ординарца на время обучения. Получите ваше командировочное удостоверение и ступайте исполнять обязанности.

Щелкнув каблуками, я отдал честь и отпрапортовал:

—Слушаюсь, получить командировочное удостоверение, — сказал я и симулируя парадный шаг, покинул помещение штаба.

Капитан Крамер для меня был олицетворением настоящего прусского офицера. Он был на удивление храбрым, смелым и каким-то разудалым (как говорят русские). Выглаженный мундир, сияющие до зеркального блеска хромовые сапоги в сочетании с наградами придавали ему вид доблестного немецкого вояки. Капитан встретил меня улыбкой и сказал:

—Черт подери, сколько ждать тебя студент? По твоей довольной роже гренадер, я осознаю о готовности стать моим ординарцем.

—Господин капитан, так точно —я готов!

—Нам! Нет мне —приказано убыть в учебный центр в Бранденбург. На месте определимся. А сейчас собери мой офицерский чемодан и жди меня. Я схожу и перед тем, как мы отправимся на родину, попрощаюсь с Ирмой. Надену ей пояс верности. Пусть фроляйн скучает только по мне.

Ирма три месяца как был подружкой моего командира, с которой он проводил минуты свободные от службы. Она добровольно служила во вспомогательной женской роте управления дивизией, связисткой. Родом Ирма была из Праги и как чешская немка, была хороша собой настолько, что капитан Крамер влюбился в неё с первого взгляда. Для чистокровных немок её внешность — её красота, была явлением аномальным. Благодаря нашим историческим особенностям средневековья, немецкие женщины были лишены привлекательности но вопреки этому, они не были распутны, как славянки и были незыблемым фундаментом немецкой семьи.

Собрав свою амуницию и офицерский чемодан капитана Крамера, я перетащил все в дежурную машину, и разомлев под весенним солнцем, задремал, ожидая командира. Сколько я дремал — не помню.

Капитан, осчастливив свою подружку страстным порывом любви, явился в добром расположении духа.

— Ну, что студент, скучаешь по своей курносенькой шлюшке? — сказал Крамер, и лукаво улыбнулся. — Не дрейфь солдат, сегодня у тебя будет шанс, потешить своего «друга», маленькой сопливой дырочкой. Мы выступаем, — казал он, встав на подножку дежурного «Кубельвагена».

— Угощайся Кристиан, — сказал капитан, и открыл передо мной серебряный портсигар. Не чувству подвоха, я взял русскую папиросу (так назывались короткие русские сигареты с мундштуком из плотной бумаги) и прикурил. В тот же миг

я почувствовал, как русский эскадрон «казаков», вооруженных саблями «проскакал» по моему горлу на конях. Следом за этим эскадроном из моей груди вырвался кашель, словно там – в моих девственных легких разорвалась наступательная граната.

– Что, студент приуныл? Непривычно!? Русский табачок дерет тебе горло!? – сказал капитан, улыбаясь, и тут же постучал меня по спине.

– Да, непривычно, господин капитан – чертовски крепкий!

– Ты прав студент, что русскому в радость – нашему брату немцу смерть! Так говорят русские. Привыкай! В разведшколе школе придется привыкать курить только русские папиросы.

Капитан Крамер влез на заднее сиденье машины, и развалился там, словно фельдмаршал. Постучав шофера по погону, он сказал:

– Что стоишь – раздолбай! Тебе, что нужно показать приказ фюрера, чтобы ты завел свою керосинку? Давай Шнитке жми на газ, нас ждут великие дела, – сказал Крамер. – Вперед!

Фолксваген тип – 62 «Kübelwagen» заурчал, и заскрежектав шестеренками тронулся с места, оставляя за собой пыль фронтовых дорог. Русская авиация, как по расписанию бомбила колонны армейского обеспечения, не давая нашим тыловикам полноценно обслуживать наши передовые части. Дороги России насколько я помню, были ужасны. Нет – это были не дороги. Это просто были направления, по которым

русские перемещались до войны. Летом мы задыхались от глиняной пыли а осенью и весной тонули по самые уши в жидкой грязи. На протяжении всего пути до Витебска, где находился сборный пункт и полевой аэродром вдоль обочины торчали остовы сгоревших машин. Им не суждено было попасть на фронт, и они стали олицетворением того, что могут в любой момент сделать и с тобой эти дикие русские. Колонны пленных уже были не так многочисленны, как в начале войны. Они шли на Запад, стараясь выжить и уйти от войны, но она каждый раз настигала их и «пожирала», оставляя на обочинах, их несчастные и измученные страданиями тела.

В те минуты этот унылый вид выжженной и перепаханной бомбами земли погружал моё сознание во всякого рода философские размышления. Мне казалось, что я старался всеми силами оправдать войну. Я считал её развитием цивилизации которая словно змея сбрасывает шкуру прошлого, чтобы вновь предстать перед вселенной в своем новом облики.

В своих фантазиях я представлял среди всех этих русских просторов многочисленные и добротные немецкие поселения. В те минуты я еще не знал, что уже скоро придет то время, когда я осознаю всю бесперспективность этого похода. Для себя я открою новый мир, который изменит мое сознание и придаст моей сущности новый вектор моего бытия.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«БРАНДЕНБУРГ»

Транспортный «Юнкерс-52», тарыхтя двигателями, благополучно приземлился на испытательном аэродроме небольшого городка Темпельгоф, который находился в трех километрах от Берлина. Погода для начала лета была неуютной и пасмурной, что после целого года разлуки создавало унылое настроение при встрече с Фатерляндом.

—Господа, авиакомпания «Люфтганза» рада приветствовать вас, на земле великих галов и нибелунгов,— громко сказал Крамер, с тонкой иронией на которую может только извращенный войной мозг боевого офицера.—Смотри Кристиан, как родина встречает нас слезами, словно оплакивает тех, кто не смог прилететь, —тараща глаза в иллюминатор, сказал Крамер.

От его слов в моей груди перехватило дух, и я понял, как далеко все —таки моя отчизна находится от реалий той страшной войны. Было такое ощущение, что Германия совсем не знает, что за тысячу километров от Берлина, гибнут её лучше сыны.

—Мне не верится... Мы вернулись — господин капитан! Мы в Германии!!!

—Ты гренадер, еще разрыдайся, как юная фроляйн, перед тем как раздвинуть ноги,— сказал Крамер. —Вытри сопли, мы прилетели всего лишь в командировку.

Самолет подкатил к ангару, и его моторы внезапно — за-

глохли погружая нас в благодать тишины.

—Всё — выметайся студент! Прилетели! Смотри и запоминай —сейчас нас будут встречать, как настоящих героев! Через тридцать лет ты обязательно отрази это в своих мемуарах.

Двери самолета открылись, и в его проеме появилось не очень приветливое лицо гаупт-фельдфебеля люфтваффе, с блокнотом в руках.

—Господа офицеры, добро пожаловать на родину! Автобус ждет вас, чтобы доставить на базу.

—Втяни брюхо студент! Расправь плечи! Имперский оркестр играет торжественный туш, а ковровые дорожки усеяны лепестками алых роз!

Уже ровно год, как война шла в России и наши войска, и экономика Германии, как никогда находились на необычайном подъеме. В то время мы искренне верили в то, что стоим за правое дело. Не было ни одного генерала, офицера или солдата, который не верил бы в скорую победу нашей огромной армии. Впервые за всю историю нашей страны под ружье было поставлено семь миллионов человек. Вся эта армада, вся эта военная машина готова была в любое время выполнить приказ фюрера и отдать жизни на алтарь благополучия великой Германии.

—О чем задумался студент!? —спросил командир, и достав из внутреннего кармана фляжку, глотнул французского коньячка, который он постоянно покупал в полевом кабаке.

—Хочу дать телеграмму. Может господин капитан, мать приедет,—сказал я, и взвалив походный баул себе на плечи посеменил за командиром, который шел впереди прилетевшей команды, словно главнокомандующий впереди своего войска.

—Не торопись, у тебя еще будет возможность. Хотелось бы посмотреть, что же нам такого приготовил наш старик Канарис, чего мы с тобой не знаем?

Из группы армии «Центр» на обучение прилетело несколько офицеров чина не ниже капитана, которым по штату полагался ординарец из числа рядового состава. В основной массе это были выходцы из Прибалтики и Поволжья и из них не все служили в разведке. Таких, как капитан Крамер из войсковой разведки было всего трое.

Сразу по прибытии офицеров пригласили в офицерскую летную столовую, где было все пристойно, как и подобает нормам летного состава любимчиков Геринга. Нас денщиков и унтер— офицерский состав младших разведчиков разместили в солдатской столовой, где от пуза накормили гороховой кашей с копчеными свиными ребрами. Для фронтовика, привыкшего на фронте к полуфабрикатам и эрзац пище, этот ужин воистину стал для меня королевским.

Конец приема пищи возвестил сигнальный свисток фельдфебеля, который все это время расхаживал между столиков, наблюдая за нами, словно служащий СД. После ужина офицеров и нас рядовой состав, перевели в помещение

спортивного зала. Высокий полковник, с кожаной повязкой на глазу, внимательно осмотрел группу, и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.